

18+

Ключи.
ИСТОРИЯ
ОДНОЙ ЛЮБВИ
ЮЛИЯ МОНАКОВА

Юлия Монакова

Клоун. История одной любви

«Издательские решения»

Монакова Ю.

Клоун. История одной любви / Ю. Монакова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-596656-8

Макар — «цирковой ребёнок» из известной династии воздушных гимнастов. Он с детства привык к кочевой жизни и постоянным переездам, поэтому ни к чему и ни к кому надолго не привязывается. Динка — простая девчонка из маленького городка, о которой в школе ходит множество грязных слухов. Именно она сведёт Макара с ума и станет его болезненным наваждением... тем, за которое ему придётся заплатить очень высокую цену.

ISBN 978-5-00-596656-8

© Монакова Ю.
© Издательские решения

Содержание

Юлия МОНАКОВА	6
ПРОЛОГ	7
ЧАСТЬ I	9
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Клоун. История одной любви

Юлия Монакова

© Юлия Монакова, 2023

ISBN 978-5-0059-6656-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Юлия МОНАКОВА

КЛОУН. ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ

Роман

Жанр: молодёжная проза, драма.

АННОТАЦИЯ:

Макар – «цирковой ребёнок» из известной династии воздушных гимнастов. Он с детства привык к кочевой жизни и постоянным переездам, поэтому ни к чему и ни к кому надолго не привязывается.

Динка – простая девчонка из маленького городка, о которой в школе ходит множество грязных слухов. Именно она сведёт Макара с ума и станет его болезненным наваждением... тем, за которое ему придётся заплатить очень высокую цену.

Внимание: неидеальные герои, эмоции на разрыв, старшеклассники, первая любовь, ненависть, зависть, предательство, цирковое закулисье, любовный треугольник, встреча через годы.

ПРОЛОГ

«Попасть в цирк легко, а вот уйти оттуда практически невозможно. Из цирка не уходят, из цирка уносят...»

Максим Никулин

Она влетела в больницу подобно шаровой молнии, появившейся из самого эпицентра грозы. Мокрые волосы прилипли к бескровному лицу, тушь и помада размазались, словно у дешёвой привокзальной проститутки, а повлажневшая от дождя короткая юбка бесстыдно и вызывающе обрисовывала аппетитные бёдра.

Однако на появление девушки мало кто обратил внимание. Вечерняя жизнь приёмного отделения текла в привычном сумасшедшем ритме – пьяные драки, поножовщина, аварии, травмы и переломы, нашёлся даже кое-кто с огнестрелом. Те пациенты, которые были в состоянии сидеть или стоять, терпеливо ждали своей очереди на осмотр, медсёстры и санитары носились туда-сюда, гремя каталками, персонал в регистратуре заполнял документы на вновь поступивших.

– Вознесенский Макар! – заполошно выкрикнула девушка; в её обезумевших глазах плескался не страх, а самый настоящий ужас.

Среди всей этой больничной размеренной суеты крик прозвучал неожиданно громко – так, что все вокруг невольно вздрогнули и обернулись.

– Вознесенский Макар, – повторила она уже тише и нервно облизнула пухлые губы. – Его должны были привезти на скорой около часа назад.

– А вы ему кто, родственница? – нехотя осведомилась девица за стойкой регистратуры, безгловым взглядом окидывая промокшую визитёршу.

– Я... – растерянно пролепетала та, невольно отступая на шаг. – Не родственница, но очень близкий ему человек. Наверное, самый близкий из всех, что у него есть! – горячо и убедительно добавила она.

– Посторонним справок не даём, – равнодушно отозвалась сотрудница больницы, тут же теряя к ней интерес.

– Да поймите вы, – девушка чуть не плакала, – это очень важно! И мне, и ему... я обязательно должна его увидеть... Прямо сейчас, немедленно! Ну пожалуйста, пустите меня к нему!

– А, явилась, не запылилась! – раздался нервный женский голос из противоположного конца коридора.

Девушка моментально узнала её – это была Зоя Вознесенская, знаменитая воздушная гимнастка. Прямо сейчас она стремительно приближалась к девушке, не отрывая от неё злого колючего взгляда – невысокая, худенькая, даже хрупкая с виду... но девушка машинально втянула голову в плечи и еле удержалась от порыва испуганно зажмуриться, словно боялась, что женщина сейчас с размаху влепит ей пощёчину.

– Немедленно выставьте эту дрянь вон! – напористо потребовала гимнастка, наткнувшись взглядом на первую попавшуюся медсестру. – Ей тут вообще не место. Это из-за неё мой сын сейчас здесь!

– Да что с ним? – робко пискнула девушка. – Скажите хотя бы, он жив?

– А ты хотела бы, чтобы умер?! – взвизгнула Вознесенская; лицо её пошло красными пятнами. – Тварь, какая же ты тварь... Гадина подколодная, малолетняя шлюха! Ненавижу тебя! – отрывисто выплёвывала она оскорбления, и, похоже, заводилась с каждым словом всё больше и больше. – Всю жизнь моему мальчику сломала! Погубила его карьеру! Все наши планы похерила... всё, о чём мы с ним мечтали... всё, всё! – руки её ходили ходуном, глаза

блестели лихорадочным блеском – кажется, она находилась на грани истерики. – Убирайся отсюда немедленно, пока я тебя не придушила!

– Пожалуйста, Зоя Витальевна, успокойтесь, – подошедший врач положил ладони разбушевавшейся женщине на плечи, пытаясь её утихомирить, но та резким движением сбросила их и обвиняюще ткнула пальцем в девушку, словно призывая всех присутствующих полюбоваться на эту стерву.

– Она же всю душу Макару вымотала! Он жить не захотел после того, как она его бросила... Сука проклятая, ну какая же сука-а-а... – завывала она, обхватив себя руками и раскачиваясь в разные стороны.

– Вам действительно лучше уйти сейчас, – мягко обратился к девушке доктор.

Губы у той задрожали, однако она упрямо сжала их в полоску и вскинула подбородок, явно намереваясь стоять до последнего.

– Я просто хочу узнать, что с Макаром, и всё! В конце концов, у меня есть на это право. Я... я его люблю.

– Любишь?! – снова завизжала Вознесенская, услышав последнюю фразу. – Любишь, паскуда?! *Это* у тебя называется любовью? Когда раздвигаешь ноги перед первым встречным?!

Девушка тяжело дышала. Глаза у неё сделались совсем огромными из-за непролившихся, тщательно сдерживаемых слёз. Она обернулась к доктору и умоляюще уставилась ему в лицо.

– Можете мне не верить, но мне и правда есть дело до Макара, – проговорила она, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие. – До того, что он действительно хочет, о чём мечтает... в отличие от его матери, которая думает только о его будущей карьере, а на то, что он чувствует – ей плевать.

Гимнастка задыхнулась от возмущения.

– Это ты на меня, что ли, намекаешь?! Да как ты в принципе смеешь вякать что-то на мой счёт? Ты вообще никто и звать тебя никак! Что ты можешь знать о нашей семье?! О нас, о наших с ним отношениях?!

– Только то, что вы задушили Макара своими амбициями, – безжалостно припечатала собеседница, снова повернувшись к женщине и с вызовом уставившись ей в глаза. – Вам ведь по большому счёту вообще насрать, о чём думает и чем живёт ваш сын. Главное – это то, чего вы сами от него хотите. И ещё скажите, что это не так! – запальчиво выкрикнула она. – Вы же всё будущее ему уже распланировали на много лет вперёд! – девушка повысила голос до критического уровня, казалось – она вот-вот сорвётся и разрыдается.

Невольные зрители наслаждались этим спектаклем, разворачивающимся прямо у них на глазах: цирк, да и только! Ещё бы в волосы друг другу вцепились – вообще крутяк будет.

– Да, я планировала! – истерично выкрикнула женщина. – Я надеялась и верила! Потому что я точно знаю, что хорошо для моего ребёнка, а что плохо. Я мать! Я его рожала, растила и воспитывала, поэтому вправе решать!

Поняв, что из двух зол надо выбирать меньшее и диалог сейчас лучше строить именно с девушкой (она показалась ему более адекватной), доктор обратился к ней:

– И всё-так, прошу вас, уйдите. Больница – не место для выяснения отношений и сведения личных счетов. Ещё только вашей драки нам тут не хватало для полного счастья.

– Я не собиралась выяснять отношения... и драться тоже, что я – дура, что ли?! Просто хочу узнать, что с Макаром. Господи, ну что же вы такие трудные, такие непробиваемые?! – воскликнула девушка в отчаянии. – Неужели так сложно понять... – и она наконец разрыдалась, обессиленно привалившись затылком к стене и медленно сползая по ней вниз.

Доктор закатил глаза в красноречивой пантомиме «я так и знал».

– Успокоительного. Обеим, – негромко распорядился он, обращаясь к медсестре, и буркнул себе под нос презрительно и ёмко:

– Бабы...

ЧАСТЬ I

1

2012 год

– Правда, здесь миленько?

Тон у матери был заискивающий и слащавый до тошноты. Она смотрела на Макара с такой надеждой, будто ждала, что он сейчас же кинется рассыпаться в комплиментах этому убогому городишке.

Макар нехотя оторвал взгляд от видов, проплывающих за окном такси, и мрачно высказался:

– Ну и чёртова же д-дыра.

Мать укоризненно вздохнула и покачала головой:

– Ну что ты такое говоришь, милый! Взгляни только, что за красота, а какая архитектура! Ты привыкнешь. Тебе здесь обязательно понравится! А ещё море, море – ну разве это не прекрасно?

Море... У Макара презрительно дёрнулся уголок рта. Нет, он с детства был приучен к постоянным разъездам и кочевой жизни, но всё же... всё же гастролировать и переезжать насовсем в другой город – это разные вещи. Чёрт возьми, он уже отчаянно скучал по Москве!

– Цирк здесь такой же п-паршивый? – выговорил он.

– Ну почему паршивый? – в искреннем огорчении всплеснула руками мать. – Очень даже неплохой, стационарный, со своей небольшой, но постоянной труппой...

Ага, «неплохой», даже не относящийся к Росгосцирку. Интересно, на какие шиши он существует без поддержки государства? Там хоть зарплату артистам выплачивают? Впрочем, Макар не стал говорить этого вслух.

– Сынок, – мать нежно накрыла его горячую ладонь своей – узкой и прохладной. – Ты же знаешь, что мне пришлось очень нелегко в последний год. Я привыкла работать в паре, и тут так кстати подвернулся Миша с его предложением совместного номера...

– Скажи, – вдруг перебил её он, – а ты любишь п-папу?

Мать отвела взгляд.

– Конечно, я его любила.

– Нет, – он с досадой поморщился. – Любишь ли т-ты его *сейчас*?

Она закатила глаза, явно испытывая неловкость и неумело стараясь это скрыть.

– Ну что ты как маленький?! Папы больше нет. Надо принять уже этот факт и смириться, а не бегать от действительности и притворяться перед самим собой, что в нашей семье ничего не изменилось. Прекрати прятать голову в песок и отрицать очевидное. Жизнь продолжается *даже без папы*, понимаешь? – патетически заключила она, и Макар снова невольно поморщился от явственной фальши в её голосе.

– П-подумать только, как удачно всё сложилось д-для этого самого Миши, – со всей язвительностью, на которую только был способен, выговорил он. – Отец т-так вовремя п-погиб... – когда Макар волновался, то начинал заикаться сильнее обычного.

– Тебе не стыдно? – насупилась мать. – Миша – мой давний друг и бывший однокурсник. Он всегда с большим уважением относился к твоему отцу и восхищался его талантом...

– Вау. Его вт-торое имя не Иисус, случайно?

– Макар! – взвилась мать, наконец потеряв терпение.

Он молча отвернулся к окну, давая понять, что не собирается продолжать этот дурацкий разговор, и чувствуя какое-то злорадное удовлетворение из-за того, что ему удалось её выбе-

силь. Родительница же, несколько минут обиженно посопев и пофыркав, традиционно предпочла смалодушничать и сделать вид, будто ничего не случилось. Такая модель поведения уже стала привычной для них обоих...

– О, посмотри-ка! – воскликнула мать с преувеличенным оживлением, как ни в чём не бывало. – Вон то красное кирпичное здание – твоя новая школа!

– Сейчас опишусь от радости, – без всякого выражения прокомментировал Макар, даже не пытаясь сделать заинтересованное лицо.

– О ней очень хорошие отзывы, я читала, – продолжала мать. – Завтра же прямо с утра отправляйся к директору, чем раньше ты приступишь к занятиям – тем лучше. У тебя ЕГЭ на носу!

– Я к-как бы в курсе.

Макар, как и все дети цирковых артистов, давно привык к постоянной смене школ. В той, прошлой жизни – до гибели отца – они с семьёй переезжали с места на место практически каждые два-три месяца. У него было два пути получения образования: заниматься с репетиторами и сдавать экзамены экстерном – или же устраиваться в новую школу в каждом городе, куда цирк приезжал на гастроли. Макар предпочитал второй вариант. Иногда он мог сменить пять-шесть школ за год! Он не успевал толком привыкнуть к новому классу и учителям, все они сливались для него в какую-то бесконечную вереницу одинаковых серых лиц и суетливых голосов. Да и зачем было привыкать? Он прекрасно понимал, что это всё равно ненадолго. Гораздо важнее было другое: работа в цирке.

Макар не знал и не представлял себе другой жизни, кроме цирка – он, что называется, «родился в опилках». Родители чуть ли не с младенчества начали готовить его к будущим выступлениям: растягивали, развивали, ставили на мостик... В три года он уже регулярно появлялся на манеже в различных номерах: помогал клоунам в их репризах, ассистировал жонглёрам и даже дрессировщикам. Когда Макару исполнилось двенадцать, родители решили задействовать его в своём новом номере. Отец ежедневно репетировал с ним по несколько часов, и Макар буквально заболел воздушной гимнастикой. Уровень увлечённости и вовлечённости был максимальным: тренировки семь дней в неделю, руки в мозолях, вечно разбитый нос, зажимы в шее, бесчисленные синяки... И самое главное – осознание: «Это моё! Зачем жить, если нельзя летать?!» В свои двенадцать он выглядел значительно взрослее: тело окрепло, подкачались руки, а сила воли у него всегда была другим на зависть.

Работать в жанре воздушной гимнастики официально позволялось лишь с восемнадцати лет, но у Макара так здорово получалось, что родители добились для сына разрешения летать под куполом цирка уже в четырнадцать. Он выступал с номером на кордепарели¹ на высоте пятнадцать метров – первый и единственный в этом возрасте абсолютно без страховки.

У всех цирковых детей даже игры были соответствующие – они устраивали представления друг для друга. А школа... ну что – школа? Всего лишь скучный, но, к счастью, преходящий фоновый элемент.

Обычно цирк приезжал в какой-нибудь очередной город, а уже утром Макар шёл к директору с пачкой документов. Как правило, просто спрашивал у администрации гостиницы: «Где у вас тут ближайшая школа?»

Он не затруднял себя запоминанием имён и лиц одноклассников, не вливался в их тусовку, не зависал с ними вместе после уроков – было банально некогда. Его даже от физры освобождали... потому что чего-чего, а физкультуры в жизни Макара Вознесенского было и так предостаточно.

¹ *Кордепарель (корд-де-парель)* – от французского *cord deperil, cordeperilleuse* – «опасный, рискованный канат»; воздушно-гимнастический снаряд – туго натянутый вертикальный канат, на котором артист исполняет трюки, аналогичные упражнениям на перилах или бамбуке («флажок», блани, кульбит и другие).

Квартира, к слову, оказалась неплохой. Лучше, чем он ожидал. Трёшка, вид на Балтийское море из окна гостиной, симпатичная мебелировка...

А вот Миша, бывший однокурсник матери, Макару категорически не понравился. Этаким слащавый типчик с улыбкой как у грёбаного, мать его, Кена!

– Ну, здорово, приятель! – Миша протянул Макару ладонь для рукопожатия, делая вид, что страшно рад его видеть.

– Я вам не п-приятель, – строптиво отозвался тот. – И вряд ли когда-нибудь им стану. Не г-горию желанием, знаете ли...

– Макар! – шокированно ахнула мать, заливаясь краской. – Какая муха тебя тебя укусила? Извинись немедленно!

«Ага, щас, разбежался. Шнурки только поглажу». Макар не стал говорить этого вслух, но судя по вытянувшейся физиономии красавчика, иногда он вполне неплохо читал мысли.

– Миша столько для нас сделал! – продолжала расплываться мать, снова сбиваясь на уже знакомый Макару ненавистный пафосный тон, как в плохом театре. – Он нашёл для нас это жильё! И именно ему мы обязаны тем, что...

– Перестань, Зоенька, – Миша предостерегающе поднял руку. – Не стоит.

Зоенька!.. Не, ну охренеть просто.

– Спасибо, дядя Миша, – с чувством отчеканил Макар, даже не запнувшись на проклятой «д» в первом слове; он бы даже отвесил ему поклон, но понял, что это будет смотреться уже совсем издевательски.

Тот скривился, словно прожевал дольку лимона.

– Можно просто «Михаил» и на «ты», – великодушно разрешил он.

Макар округлил глаза в притворном ужасе.

– На «ты»?! Что вы, я не могу. К-как можно, – и всё-таки он не сумел выговорить целую фразу без запинки. – Вы же это... ну, уже в возрасте.

Миша скрипнул зубами.

– Мы с твоей матерью ровесники.

Макар, конечно же, был в курсе, мать ведь говорила, что они учились вместе. Однако он сделал вид, что страшно удивился:

– Серьёзно? А выглядите старше лет на д-десять—пятнадцать.

– Макар! – гневно взвизгнула мать, и он понял, что пора закругляться.

– П-пойду к себе, – невозмутимо объявил он, подхватывая чемодан. – Вещи раскидаю.

– Клоун... – услышал он обиженно-обречённый материнский вздох, адресованный ему в спину.

И следом – вполголоса, от этого мерзкого Миши:

– Успокойся, парня можно понять. Возраст у него такой... обвиняющий.

Ты смотри, какой понимающий, сука!

Макару захотелось изо всех сил шарахнуть кулаком по дверному косяку, но он сдержался.

2

Пинком отправив чемодан под кровать, он решил, что разберёт вещи, когда немного остынет. Выскочив на маленький балкончик, Макар жадно глотнул ртом холодный и густой влажный воздух. Несмотря на январь, моросил мерзкий дождь, но Макар с каким-то мазохистским удовольствием подставил разгорячённое лицо колючим струям.

Сейчас, во время дождя, городок выглядел ещё более серым, безликим и унылым, чем прежде, несмотря на обилие ярких зданий. Голые деревья не добавляли красоты картинке.

Макар ещё раз с тоской обвёл взглядом окрестности, привыкая к мысли, что ему теперь предстоит здесь жить.

Внизу слышались оживлённые голоса. Макар нехотя опустил взгляд и увидел двух подружек, чирикающих возле кофейного автомата. Обе в нелепых цветных дождевиках, с красными от холода лапами... Они старательно пересчитывали мелочь на влажных ладошках и по очереди опускали монеты в щель монетоприёмника. Этаж был второй, так что Макар прекрасно слышал каждое их слово и видел каждый жест.

– Я буду ванильный капучино! Или нет, лучше сливочный! Только сахара можно побольше, добавь ещё одну порцию! – попросила одна из девчонок с предвкушением в голосе.

– Слушай, не хочу, конечно, обидеть, но... с твоей жопой ты бы поаккуратнее насчёт сахара. Да и насчёт сливок тоже, – заметила её спутница.

Макар невольно хмыкнул. Диалог его заинтересовал; он наклонился и вытянул шею, пытаясь увидеть лица обеих собеседниц.

– Меня моя жопа вполне устраивает, – сухо отозвалась любительница сладкого капучино. – Во всяком случае, пока ещё никто не жаловался...

– Ну, сама смотри. Моё дело предостеречь, – фыркнула вторая. – Годам к двадцати пяти ты в дверные проёмы пролезать перестанешь.

– Ой, к двадцати пяти... скажешь тоже! Когда это ещё будет! – беззаботно отмахнулась девчонка.

К сожалению, разглядеть под просторным дождевиком её фигуру было практически нереально, а Макару, как назло, стало по-настоящему любопытно – так ли велика... хм, жопа, как о ней говорят? А ещё ему показалось, что та, которая советовала пить кофе без сахара, из-за чего-то злится на толстуху, хотя изо всех сил пытается казаться миленькой и заботливой.

Автомат страшно глючил, скользкие намокшие кнопки не срабатывали с первого раза, девчонка – та, которая орудовала у автомата – психовала и ругалась. Наконец оба напитка были готовы.

– М-м, кайф! – блаженно застонала жопастая, обхватив стаканчик озябшими пальцами и делая первый нетерпеливый глоток.

Было в её голосе что-то такое... чувственное, что Макар тут же вообразил её, говорящую эти же слова в другой ситуации – более двусмысленной. И моментально, как полный придурок, почувствовал реакцию в штанах на свою дурацкую фантазию. Чёрт!

Он всё сильнее и сильнее тянул шею, пытаясь разглядеть лицо девчонки, одновременно рискуя перевалиться через перила балкона и загреметь вниз. Видимо, бог услышал его мысленный призыв – дождь вскоре прекратился. Обе девчонки, не сговариваясь, откинули назад капюшоны своих дождевиков и явили миру классическую пару подруг: блондинка и брюнетка. Впрочем, нет... волосы у любительницы капучино были скорее тёмно-каштановыми – длинными, волнистыми, очень красивыми. Макар представил, как пропускает эти пряди сквозь пальцы... и в штанах стало ещё теснее.

Он по-прежнему не мог рассмотреть лица ни одной, ни другой – обе уткнулись носами в свои стаканчики и смаковали ароматный кофе. В этот момент мимо промчался какой-то парень на велосипеде и, притормозив и обернувшись, вдруг весело крикнул, обращаясь к темноволосой:

– Эй, Дружинина, отсосёшь за полтинник?

– Совсем охамел? – возмутилась её спутница-блондинка; впрочем, несмотря на то, что она вроде бы защищала свою подружку, Макару слышалось в её голосе скрытое злорадство. Или он всё это себе придумал?

Тёмненькая пренебрежительно фыркнула:

– Да у тебя полтинников на меня не хватит, Тяпа. Если начнёшь копить прямо сейчас – может, к пенсии и наскребёшь нужную сумму, – и со вздохом добавила, будто бы сочувствуя:

– Правда, боюсь, когда ты выйдешь на пенсию, отсасывать там будет уже нечего...

Макар не выдержал и расхохотался – громко, от души, не волнуясь больше о том, что обнаружит своё присутствие. Все трое, находившиеся внизу, тут же дружно задрали головы. Ну наконец-то! И Макар жадно впился взглядом в лицо темноволосой.

Девчонка как девчонка, кстати, не такая уж и толстая. Точнее, совсем не толстая. Щёчки круглые, но это её нисколько не портило – наоборот, добавляло очарования её милому лицу. Губы тоже были пухлыми – причём *вызывающе* пухлыми, полными и сочными, и Макар даже с балкона видел, что на верхней губе у девчонки осталась пенка от капучино. В горле вмиг пересохло. Что за хрень, почему он так на неё реагирует? Да только ни о чём другом он и думать больше не мог – вообразил, как одной рукой хватает девчонку за затылок, зарываясь пальцами в её шелковистые волосы, притягивает к себе и... слизывает остатки капучино с этого аппетитного рта. Уф! Он чуть не задымился. На миг даже страшно стало, что все эти пошлые мысли сейчас можно легко прочитать по его лицу.

Девчонка тоже уставилась на него во все глаза, как на восьмое чудо света. Сложно было объяснить словами, но, не торопясь разрывать этот зрительный контакт, Макар буквально физически ощущал нечто вроде лёгких электрических разрядов в воздухе.

Девчонка опомнилась первой. Моргнула, словно избавляясь от наваждения, и недовольно осведомилась:

– Чего смешного?

Подруга тут же пихнула её в бок и ослепительно улыбнулась Макару, помахав рукой:

– Привет! Ты недавно переехал? Что-то мы тебя здесь раньше не видели.

Ну да, ну да – вот она, прелесть крошечных городков, где все друг друга знают и каждая новая рожа сразу на виду, как прыщ на заднице.

– Недавно, – кивнул он и с подчёркнутой серьёзностью взглянул на свои наручные часы. – Минут десять к-как.

Услышав, как он слегка запнулся на последнем слове, тёмненькая сдвинула брови. Её подружка, впрочем, не обратила на заикание Макара никакого внимания – она продолжала увлечённо болтать.

– О, круто. Ну и как тебе Светлоградск, нравится?

– Пока не понял, – дипломатично отозвался он. – Я же у вас тут ещё ничего т-толком не видел.

Блондинка тут же оживилась.

– Хочешь, мы с Динкой покажем тебе город? Мы живём здесь с самого рождения и каждый камушек знаем.

Значит, темноволосую звали Динкой. Дин-ка, мысленно по слогам повторил Макар. Трудное для него имя, ясен пень, он будет постоянно буксовать на первом слогe, но... чёрт возьми, как оно ей шло!

Предложение выглядело заманчивым, но он всё-таки покачал головой:

– Не знаю пока, как у меня б-будет со временем.

Динка тут же выразительно закатила глаза, словно давая понять: «Ой, не больно-то и хотелось!» и подёргала подругу за рукав, призывая спуститься с небес на землю и не навязываться незнакомому парню. Однако блондинка оказалась настойчивой.

– Меня, кстати, Соня зовут. А тебя?

– Макар, – представился он.

– Супер. Слушай, а ты в школе учишься или уже студент?

– В школе. Одиннадцатый к-класс, – пояснил он.

– Ого! А что за школа, не третья, случайно?

Он пожал плечами. А шут её знает, какой у неё номер... Мать не говорила, а он не спрашивал.

– Тут недалеко, – он неопределённо махнул рукой, припоминая. – К-красная, кирпичная.
– Ну точно третья – наша! – возликовала Соня. – Значит, будем вместе учиться. Так как насчёт прогулки? Дождь прекратился, пойдём прошвырнёмся по городу вместе... – тут она перевела взгляд на велосипедиста и нахмурилась:

– А ты чего уши греешь, Тяпа? Езжай, куда ехал! Тебя мы с собой не приглашаем!

– Очень надо! – самолюбиво фыркнул тот и, ещё раз бросив вызывающе-красноречивый взгляд на Динку и любопытный – на Макара, укатил прочь.

– Ну так что, спускаешься? – блондинка была невероятно настойчивой, если не сказать – настырной.

Согласие уже практически готово было сорваться с губ Макара, но в этот миг он услышал голос матери.

– Сынок! – позвала она из глубины комнаты. – Пойдём обедать, а потом нам нужно будет съездить в цирк, познакомиться с руководством и коллегами. Я хочу, чтобы ты тоже там присутствовал.

– Иду! – крикнул Макар, обернувшись, а затем снова перевесился через перила балкона. – Извините, д-девички, – он картинно прижал руку к сердцу. – Как-нибудь в другой раз. Сейчас не могу, п-правда.

Блондинка заметно расстроилась, а тёмненькая только пренебрежительно фыркнула себе под нос.

3

Несмотря на весь свой скептический настрой, едва оказавшись в цирке, Макар почувствовал, что невольно улыбается. Обстановка была незнакомая, чужая – но запах, узнаваемый из миллиона других, всё равно оказался родным. Ни с чем не сравнимый аромат сосновых опилок, которыми густо посыпали манеж, терпкий и острый запах лошадей и хищников... Макар вдохнул его полной грудью и засмеялся, вспомнив цитату из Бунина: «А вчера мы сидели в огромном и ледяном шатре братьев Труцци, резко и приятно вонявшем всем тем, чем всегда воняет цирк». Как ни кривил он физиономию в присутствии матери, а всё же вынужден был признать, что ужасно соскучился по атмосфере этого весёлого и дружного сумасшедшего дома.

Директор цирка тоже оказался мировым мужиком. Макару понравилось, что он не заигрывал и не сюсюкал с ним, как с каким-то салагой, не пытался понравиться и наоборот – не корчил важного биг босса, глядя на парня сверху вниз, а сразу повёл себя с ним как с равным.

– На какой высоте работаешь? – поинтересовался он у Макара.

– П-пятнадцать метров. На двадцати тоже могу, но п-практики пока маловато.

Директор уважительно кивнул.

– Восемнадцать лет есть?

– Есть... почти, – поправился Макар. – Через т-три месяца исполнится.

– Что ж... это неплохо, неплохо, – задумчиво пробормотал директор себе под нос. – Я слышал про твоего отца, – добавил он после паузы. – Мне очень жаль. Он был классным воздушным гимнастом, одним из лучших в стране. А если учесть, что русский цирк по праву считается лучшим в мире... то твой отец был лучшим из лучших *вообще*.

Макар сглотнул ком в горле. Ему казалось, что он уже научился жить с мыслью о том, что отца больше нет, а сейчас вдруг снова резануло – будто по живому.

– Пойдём в малый зал, – директор положил руку ему на плечо, – там сейчас как раз тренировка, познакомишься с ребятами.

Макара всегда забавлял разительный контраст между цирковыми артистами на репетициях и во время выступлений. Во втором случае – искусно загримированные и причёсанные,

в сверкающих ярких костюмах, рассылающие публике профессиональные отрепетированные улыбки и делающие комплименты...² А на тренировках все взмыленные, лохматые, с мешками под глазами, в растянутой и застиранной спортивной форме, зачастую перепачканной и пахнущей потом, лошадьми, навозом...

И вот эта изнаночная сторона цирковой жизни была Макару не менее дорога, чем парадная. Он прекрасно знал, что у всех цирковых дам на туалетном столике вместо духов и прочих милых мелочей стоят средства от растяжений, обезболивающие, разнообразные мази и эластичные бинты.

– Попроси у меня увлажняющий крем – нет такого, – не раз смеялась мать, – попроси крем от ушибов, травм и повреждения связок – всегда пожалуйста!

Впрочем, сказать, что женщины совсем не следили за собой, было бы лукавством. Артистки держали себя в отличной форме не потому, что это была дань моде, а потому, что от этого зачастую зависела их жизнь. Кроме того, им необходимо было выглядеть красиво на радость зрителям.

Мать Макара, к примеру, была буквально повёрнута на здоровом питании. С вечера она заваривала себе имбирь, заливала семена чиа кефиром, добавляла туда тыквенные семечки и фрукты. По утрам регулярно употребляла масла авокадо, миндальных и грецких орехов: это было полезно для кожи и волос. Ещё она перемалывала семена льна и пила спирулину. Выпечки мать избегала – никаких пирожных и прочих десертов, зато на тренировки всегда брала с собой гематоген для придания сил, а перекусывала яблочком или горьким шоколадом с чёрным кофе. Что ни говори, а выглядела она в свои тридцать семь и впрямь шикарно – никто никогда не давал ей её реального возраста, но Макар знал, как болезненно она переживает по поводу уходящей молодости. И дело было не только в красоте – увы, век воздушных гимнасток сам по себе недолог... Ещё два-три года, ну пусть даже пять лет – и прощайте, полёты под куполом цирка! Мать безумно боялась этого и изо дня в день бросала вызов природе, отчаянно пытаясь её обмануть.

Когда Макар с директором явились на тренировку, мать была уже там – вместе с этим долбаным Мишей, разумеется. Сейчас на фоне запыхавшихся, растрёпанных и потных артисток она смотрелась совершенно инородно – точно жар-птица среди скромных сереньких воробушков. Мать и вела себя соответствующе, словно королева, купающаяся в лучах обожания подданных. Собственно, для местных она и была таковой – знаменитая воздушная гимнастка из Москвы, настоящая звезда, почтившая своим присутствием их маленький и скромный провинциальный цирк! Макар с лёгкой усмешкой отметил, как благоговейно заглядывают ей в рот молоденькие гимнастки, кто-то даже попросил о совместном фото и притащил бумажку для автографа.

Увидев Макара, мать обрадованно помахала ему рукой:

– А, вот ты где! Иди сюда. Знакомьтесь, – весело представила она его, – это мой сын Макар. Тоже воздушный гимнаст – между прочим, весьма и весьма способный, и это я говорю сейчас не как его мама, а как беспристрастная коллега. Прошу любить и жаловать!

– Любить – это мы всегда готовы, – хихикнул кто-то из девушек. – Какой хорошенький, а!

Щёки Макара чуть порозовели. Вообще-то он привык к раскованности и свободе в выражении мыслей у цирковых девчонок, но здесь, как ни крути, он был новеньким и потому немного смущался от всеобщего пристального внимания.

– Ты на чём работаешь, Макар? – тут же поинтересовался у него кто-то.

² *Комплимент* в цирке – разновидность поклона, благодарности или приветствия публике; состоит из отточенных движений, которые хорошо видны даже с последних рядов амфитеатра. Чаще всего комплимент – это традиционный поклон артиста после окончания номера и при повторных выходах на манеж в ответ на вызовы зрителей.

– Соло – на ремнях, канате и на п-полотнах... Немного на доппель-трапе³, но сейчас у меня нет п-партнёрши, – добросовестно отчитался он.

– Ну, за партнёршей дело не станет! – многозначительно улыбаясь, переглянулись девушки, и мать шутливо погрозила им пальцем:

– Но-но-но! Не дам развращать моего мальчика!

– Ой, Зоя Витальевна, ну неужели же это и правда – ваш сын?! – восхитился кто-то. – Никогда бы не подумала... Вы выглядите как сестра и брат.

– Угу, – поддакнул Макар в ответ на эту неприкрытую лесть. – Старший.

В этот момент кто-то подёргал его за штаны. Опустив взгляд, он увидел малышку лет трёх – вероятно, дочь кого-то из артистов.

– Как тебя зовут? – нахмутив бровки, уточнила она.

– Макар, – он опустился перед ней на корточки, чтобы быть на равных.

– Макай, – послушно повторила девчушка. – Ты квасивый. Давай двузить?

– С удовольствием, – улыбнулся он. – А ты у нас к-кто?

– Яна. Ты ещё ни на ком не женился? – строго спросила она.

Макар развёл руками:

– Пока нет.

Малышка вмиг повеселела.

– Мозет, на мне женишься? Я тозе буду воздушной гимнасткой, когда выйаству.

– К-кажется, партнёршу я себе уже нашёл, – засмеялся Макар, подхватывая Яну на руки и поднимаясь с пола, и девушки разочарованно загудели.

«Пожалуй, – осторожно подумал Макар, – мне здесь нравится».

4

Директриса подробно и вдумчиво изучала его личное дело, время от времени озабоченно морща лоб и беззвучно шевеля губами. Макар, до этого бывший совершенно спокойным, даже разнервничался – ну что там можно так долго вычитывать? Он, конечно, не отличник, но и не полный тупень, троек почти нет, в основном четвёрки-пятёрки.

– А ты планируешь поступать куда-нибудь после одиннадцатого класса? – поинтересовалась наконец Наталья Петровна. – Или вам, циркачам, это не обязательно?

Он безропотно проглотил «циркачей», хотя терпеть не мог это дурацкое слово, а вот сам смысл фразы неприятно царапнул.

– Почему необязательно? Многие из наших п-получают высшее образование... и не всегда в цирковых училищах.

– Ну да, ну да, – понимающе закивала она, – надо ведь и о будущем позаботиться, всю жизнь на арене скакать и кривляться не будешь.

Ах вот чем, оказывается, он занимается – кривляется на арене. Прелестно!

– Ты ведь уже выступаешь? – поинтересовалась директриса как бы между прочим. – Я имею в виду, выходишь к зрителям?

– В вашем городе ещё не выходил, – покачал головой Макар. – Пока только ежедневные т-тренировки. А вообще я с т-трёх лет на манеже.

Наталья Петрова вновь покивала, поджав при этом губы, отчего лицо её приобрело брезгливое выражение. Макар не мог понять – это он сам ей так не нравится, или она просто не любит цирк?

³ *Доппель-трапе* (от немецкого «*doppel*» – двойной, двоякий) – двойная трапеция, гимнастический снаряд в цирке, на котором двое гимнастов или гимнасток выполняют упражнения.

– Надеюсь, тренировки не будут мешать учёбе, – сухо заметила она наконец. – Делать поблажек тебе никто не станет, у нас в школе это не принято, так что...

– Я и не п-прошу! – вскинулся он, крайне возмущённый. – Ничего мне не п-помешает. Школа – утром, цирк – во второй половине дня.

– Прекрасно, прекрасно... Ну что ж, Макар, – директриса взглянула на него поверх спущенных на нос очков. – У нас в школе два одиннадцатых класса. «А» посильнее, там в основном потенциальные медалисты, отличники и хорошисты, гордость школы. А «бэшки», соответственно, послабее, там ребята звёзд с неба не хватают. Тебя куда лучше определить? Наверное, в «Б»? – тут же милостиво решила она за него.

Ну ясен пень – раз цирковой артист, значит, в голове полторы извилины, куда ему к отличникам-то, не поймёт ни фига... Но ругаться и спорить сейчас не хотелось. Вместо этого Макар почему-то спросил:

– А в каком классе учится Дина Д-дружинина? Вот меня туда. Если можно, п-пожалуйста, – добавил он.

Чёрт знает, кто дёрнул его за язык. Он вообще удивился, что фамилия этой самой Динки засела у него в памяти. А вот поди ж ты...

Брови директрисы взметнулись вверх. Она окинула его испытывающим взглядом.

– Уже познакомились? – наконец странным голосом осведомилась Наталья Петровна.

Он неопределённо пожал плечами. Отчитываться перед ней ещё, что ли? Но директриса внимательно смотрела ему в лицо, явно ожидая ответа.

– Так... шапочно, – уклончиво отозвался он.

– Макар, – начала она, словно сомневаясь, говорить ему или не стоит. – Лучше держись подальше... от *этой девочки*.

Ни хрена себе новости! Да что с этой самой Динкой не так? Девчонка как девчонка, а ты гляди, какие страсти бурлят...

– Это п-приказ или угроза? – нервно попытался пошутить он.

– Ни то, ни другое, – сухо отчеканила директриса. – Можешь считать это дружеским советом.

«Тоже мне, подружка нашлась», – хмыкнул он про себя, а вслух упрямо и настойчиво повторил:

– И всё-таки я хотел бы п-попасть в её класс.

– Ну... как знаешь, – с непроницаемым лицом она подвинула ему листок бумаги. – Пиши заявление в «А».

Макар управился с этим делом за пару минут и вопросительно взглянул на директрису.

– Когда я могу начать учиться?

Она пожала плечами:

– Да хоть прямо сейчас, к чему разводить волокиту. Оставшиеся формальности уладим позже.

Прищурившись, директриса уставилась на расписание уроков, припиленное к стене.

– У них сейчас будет литература в триста шестом кабинете. Это третий этаж. Давай я тебя провожу, нужно будет предупредить Светлану Александровну... она, кстати, ещё и ваш классный руководитель.

Макар поднялся с места, подхватив свой рюкзак.

– Сегодня посиди так, присмотришься... а после уроков сходишь в библиотеку за учебниками. Я распоряджусь, чтобы тебе всё выдали без задержек.

– Спасибо, – поблагодарил он.

Раньше Макар относился к вливанию в каждый новый коллектив довольно пофигистически – по большому счёту ему было вообще всё равно, с кем предстоит учиться. Но сейчас,

вспоминая пухлые губы и круглые щёчки любительницы капучино, он почему-то чувствовал, что всерьёз волнуется.

Они вошли в класс сразу же после того, как прозвенел звонок на урок.

– Вот, веду вам пополнение! – жизнерадостно объявила директриса. – Встречайте и знакомьтесь: Макар Вознесенский. Между прочим, циркач.

В этот раз он уже не выдержал. От «циркача» у него буквально зубы скрипели!

– П-правильно говорить «артист цирка» или просто «цирковой», – поправил он.

Директриса в искреннем недоумении выкатила на него глаза.

– А в чём разница?

– «Циркач» – это д-довольно обидное обращение. Ну, например, как «т-торгаш», – терпеливо разъяснил Макар; он старался не шарить глазами по классу, и боясь, и отчаянно желая увидеть Динку – здесь она или нет?.. – Оно пошло ещё с д-дореволюционных времён, когда цирковых даже артистами не считали. Этим словом «чистая» п-публика презрительно выражала своё отношение к шутам-циркачам.

– Спасибо за ликбез, – холодно кивнула Наталья Петровна, – но, полагаю, сейчас не время и не место дискутировать об этом... Усаживайся на любое свободное место, вливайся в коллектив. Светлана Александровна, – повернулась она к учительнице литературы, – можно вас на минуточку? Буквально пару слов вам хочу сказать...

Обе женщины вышли. В классе тотчас же возник лёгкий оживлённый гул. Все с интересом присматривались к новенькому, пока он шёл между рядами, выискивая взглядом свободную парту.

– Макар, привет! – услышал он радостный возглас.

Повернувшись на звук, он увидел ту самую блондинку Соню, с которой познакомился накануне – она лыбилась во весь рот и махала ему ладошкой. Рядом с ней сидела Динка. Кровь тут же бросилась ему в лицо, и он смущённо опустил голову, буркнув:

– Привет...

– Садись вот тут, прямо за нами! – позвала его Соня. – Тут никого нет.

Он молча плюхнулся на стул позади девчонок.

– Цирковой, значит, – многозначительно протянул кто-то из первого ряда. – Интересно... А чего заикаешься? Нас боишься?

Вокруг раздалось сдержанное хихиканье.

– Да нет, наверное, клоуна у себя в цирке увидел и обосрался – подумал, что «оно» вернулось!⁴ – выкрикнул какой-то остряк – на этот раз с задней парты.

Класс с готовностью заржал. «Может, конечно, они и „сильные“, отличники и медалисты, да только всё равно дебилы – каких поискать, – с сожалением подумал Макар. – Юмор на уровне детского сада...»

– Ну ты и урод! – возмутилась Соня, оборачиваясь к обидчику Макара и уже готовая кинуться на защиту.

– Нет, не к-клоуна, – спокойно отозвался Макар, не обращая внимания на смех вокруг. – Тигр случайно вырвался из клетки и выбежал на манеж. А я там к-как раз репетировал. Мне шесть лет было...

Смех моментально затих.

– Тигр? – Динка обернулась и задумчиво посмотрела на Макара, подперев щеку ладонью; кажется, это был всего лишь второй раз, когда она обратилась к нему лично. – Это интересно...

И он, точно сопливый первоклассник, чуть не умер от счастья из-за того, что понравившаяся девочка обратила на него внимание.

⁴ «Оно вернулось» – фраза, отсылающая к роману американского писателя Стивена Кинга, написанному в жанре ужасов и впервые опубликованному в 1986 году; центральное зло в романе – «оно» – часто принимает обличье клоуна.

День, когда это произошло, Макар до сих пор помнил отчётливо и ярко – так, словно это случилось буквально вчера.

Никто потом так и не узнал, каким образом тигру удалось вырваться на свободу: то ли похмельный дрессировщик вовсе забыл запереть клетку, то ли просто недоглядел и сделал это кое-как – после чего животное умудрилось открыть дверь и выскочить наружу. Это был молодой тигр по кличке Элвис, который и раньше нередко показывал свой строптивый характер.

Он выбежал на манеж в тот момент, когда отец с Макаром как раз заканчивали растяжку. Они тогда припозднились с тренировкой, все уже давно разошлись, на манеже больше никого не было. Отец отвлёкся на мгновение, отошёл куда-то в сторону – а Макар вдруг увидел прямо перед собой пасть зверя... Тигр шумно и смрадно дышал, обдавая мальчика запахом сырого мяса. Но даже в тот момент Макар не слишком испугался – наверное, просто не успел сообразить, чем ему это грозит. Он знал Элвиса и любил его, ему даже в голову никогда не приходило, что этот большой, грациозный и красивый зверь может стать для него лично источником опасности.

А затем отец обернулся, увидел сына один на один с тигром – и просто без раздумий ринулся вперёд, вряд ли соображая, что он в принципе делает, но желая только одного: отвлечь зверя от ребёнка. Элвис подмял отца под себя, повалил на манеж и вцепился зубами ему в плечо... И вот тут Макар наконец испугался. До смерти испугался! И закричал так жутко, так отчаянно, что его услышал, кажется, весь цирк. Макару казалось, что Элвис сейчас сожрёт папу – и, захлёбываясь слезами, он кинулся отцу на помощь. Крепко вцепившись пальчиками в шерсть, он упорно пытался оттащить огромного тигра... Разумеется, силы были слишком неравны, едва ли Элвис в принципе обратил внимание на эту досадную помеху. К счастью, на крик Макара быстро сбежались люди. Кто-то схватил палку, кто-то хлыст... А спустя несколько мгновений примчался и дрессировщик с пистолетом. Разбушевавшегося Элвиса удалось оттащить от несчастного и загнать обратно в клетку, а отца увезли на скорой в институт Склифосовского.

Было неслыханным везением, что Элвис не прокусил отцу сонную артерию. Его жизни ничего не угрожало, но пришлось наложить более восьмидесяти швов. В суматохе и панике, мотаясь из цирка в больницу и обратно, мать даже не сразу обратила внимание на то, что сын стал заикаться. Она заметила это лишь спустя неделю...

Начался новый забег по врачам, на этот раз по логопедам и неврологам. Те уверяли, что невротическое заикание – не самый безнадёжный случай, есть все шансы, что оно бесследно пройдёт. Правда, мальчику рекомендовали регулярные занятия логопедической ритмикой, но у вечно занятых родителей не было времени водить туда Макара. Честно говоря, он и сам не особо стремился, сходяв раз-другой на занятия и быстро заскучав. К счастью, логофобия⁵ у него не развилась. Макар не боялся разговаривать и общаться, да и заикался он не всегда одинаково сильно – иногда мог тараторить вообще без запинки. Заикание усугублялось только в моменты сильного волнения и тревоги, эмоционального перевозбуждения или нервного напряжения.

Всё это время Элвис, словно чувствуя свою вину, безвылазно сидел в клетке и тосковал. От репетиций его отстранили на неопределённый срок, и загрустивший зверь начал отказываться от еды, худея и слабея на глазах. Он как будто понимал, что в те дни решалась его дальнейшая судьба... Наконец выписавшийся из больницы и вполне окрепший отец настоял на том, что ему нужно повидать Элвиса, хотя мать крутила пальцем у виска и уговаривала

⁵ *Логофобия* – патологическая боязнь заговорить при людях, часто связанная с заиканием.

этого не делать. Позже свидетели клялись, что когда отец подошёл к клетке, Элвис пополз ему навстречу буквально на брюхе и виновато заскулил, а наблюдавший за этой сценой дрессировщик даже пустил слезу. Правдой это было или всего лишь очередной цирковой легендой, которые в великом множестве рождались в закулисе, теперь уже никто и не помнил. Неоспоримым фактом было лишь одно: в конце концов Элвиса решили не наказывать и вернуть на манеж с его номером. А отец вскоре тоже возобновил свои тренировки и выступления под куполом цирка.

В общем, происшествие обошлось практически без последствий – если не считать заикания Макара. Но он вскоре привык не обращать на это внимания, совершенно не стесняясь своего небольшого дефекта речи. Возможно, будь он среднестатистическим ребёнком, дело кончилось бы множеством комплексов и неуверенностью в себе. Но цирковые дети... о, это был целый отдельный социум! Редкий случай, чтобы они были зажатými, молчаливыми или закомплексованными. Видимо, характер определялся образом жизни: дети цирковых артистов моментально социально адаптировались, отличаясь раскованностью и жизнерадостностью, поскольку с младенчества видели слишком много и объездили с гастролями не только всю страну, но и полмира. Макар с родителями успел побывать в Европе, Африке, Японии, Китае и даже Австралии; цирк работал во всех республиках бывшего Союза. Когда тут было стесняться и комплексовать?!

Именно поэтому, пойдя в первый класс и очутившись среди обычных, *нормальных детей*, Макар был несказанно поражён тем обстоятельством, что одноклассники при первой же встрече зло высмеяли его заикание. И дальше – в каждой новой школе и новом коллективе – он всякий раз искренне недоумевал: ну как так можно?! Это же надо быть отбитым на всю голову, чтобы смеяться над чьим-либо недостатком! Он вообще не понимал насмешек над внешностью, особенностями физического развития... и именно поэтому было ужасно неприятно наблюдать за тем, как легко и походя одноклассники обзывают друг друга жирными, очкастыми, ушастыми, косыми, хромыми и так далее.

Но, несмотря на насмешки, с противоположным полом у Макара никогда не было проблем. Он очень нравился девочкам, и не последнюю роль в этом играла его выразительная внешность: серо-карие глаза, обрамлённые пушистыми длинными ресницами, густые русые волосы, трогательные веснушки на носу, чувственные губы... Правда, здесь он тоже отдавал предпочтение своим подругам из цирка, а не девочкам со стороны. Поцеловался он впервые в тринадцать лет, а первый сексуальный опыт случился в шестнадцать – с акробаткой Ингой, которая была на год его старше и охотно взяла на себя роль «любовного гуру». После этого Макар ещё немного повстречался с Лизой – дочкой и ассистенткой иллюзиониста. Но всё это было легко, ненапряжно, на кураже, в ореоле лёгкой романтики и полудружеского флирта. А вот то, что творилось с ним при виде Динки... это не было похоже ни на что, испытанное ранее.

6

Первые пару дней в школе Макар вообще не мог учиться. Честно говоря, он даже и не пытался вникать в объяснения учителей – в присутствии Динки его всякий раз словно парализовывало. Рядом с ней он безбожно тупел. Какая тут, блин, учёба, когда сидишь и видишь прямо перед собой эти волнистые волосы, шею, плечи... он с трудом сдерживался, чтобы не протянуть руку и не коснуться Динкиной спины. Слава богу, учителя его и сами не дёргали, давая время привыкнуть. Динка вертела головой туда-сюда, и он исподтишка любовался её профилем. Иногда она оборачивалась – но Макар всякий раз поспешно отводил взгляд, чтобы она не решила, будто он следит за ней. Его кидало то в жар, то в холод, щёки то и дело заливал предательский девчоночий румянец, язык отнимался в буквальном смысле – какое там заикание, он вообще ни слова не мог выговорить! А уж стоило нечаянно скользнуть

взглядом по Динкиным губам или груди – и в штанах начинало твориться такое... Оставалось лишь надеяться, что никто этого не замечает.

Макар прежде никого не хотел так остро и пронзительно, как Динку – но дело было не только в естественных плотских желаниях. Раньше ему и не нравился никто так же сильно, как она, ни к кому его не влекло так отчаянно и неумолимо. Чем она его заворожила? Зацепила, притянула, приклеила? Ведь не сказать, чтобы писаная красавица, но эти губы... и глаза... и грудь... и попа... Задница вообще была зачётная, куда там Дженнифер Лопес! При этом – тонкая талия, отчего Динкина фигура напоминала гитару. Может, его так сильно тянуло к ней как раз потому, что в цирке ни у кого не было таких фигур? Ни жопы, ни сисек – все девушки худые, подтянутые, жилистые и мускулистые. А у него буквально слюни капали на Динкины аппетитные формы. Но при этом ему нравилось просто быть рядом, смотреть на неё, слушать звук её голоса, улыбаться в ответ на её улыбку...

Сама Динка обращала на него внимания не больше, чем на какой-нибудь предмет мебели – ну, или просто искусно *притворялась* равнодушной, во всяком случае, он изо всех сил тешил себя этой надеждой. Спасибо её сестре – если бы не она, Макар, наверное, вообще не смог бы приблизиться к Динке... Ах, да. Та самая блондинка Соня, как выяснилось, была не подругой, а родной Динкиной сестрой-двойняшкой. Бывает же такое – близнецы, совершенно не похожие друг на друга!

Соня, к слову, тоже была симпатичной, пожалуй, даже красивой – высокая и худощавая натуральная блондинка. Чуть раскосые кошачьи глаза, личико сердечком с острым подбородком... Самый что ни на есть модельный типаж. Но у Макара на неё, что называется, не стояло ни в прямом, ни в переносном смысле.

В отличие от Динки, Соня открыто ему симпатизировала и активно оказывала весьма недвусмысленные знаки внимания – и Макару не оставалось ничего другого, кроме как принимать их, иначе он вообще не знал, как подобраться к её сестре. Соня звала его вместе сесть в столовой – и он садился, лишь бы быть рядом с Динкой. Та же большей частью отмалчивалась и вообще мало говорила, словно присматривалась к нему и размышляла – стоит ли в принципе доверять этому новенькому. А он, осмелев со временем, практически не отрывал от неё взгляда, почти не слушая непрерывную Сонину трескотню над ухом. Однажды Динка подняла ресницы и застала Макара врасплох – когда он пялился на её губы. Но она не смутилась, не отвела взгляд, а вызывающе вскинула подбородок и, в свою очередь, внимательно посмотрела ему в глаза.

– Чего уставился, Вознесенский? Дыру на мне протереть хочешь? – недовольно протянула она.

К несчастью, её вопрос услышал остряк Тяпа, который тоже сидел неподалёку.

– Скорее не на тебе, а в тебе, – заржал он. – Хотя в тебе уже и протирать нечего... всё давно протёрто, живого места не осталось.

Макар настолько обалдел, что даже сразу не нашёлся, что ответить, а Динка психанула, оттолкнула тарелку с недоеденной порцией, схватила свой рюкзак и выскочила из-за стола.

Соня наградила Тяпу колючим злым взглядом.

– Придурок! – прошипела она, тоже торопливо поднимаясь, чтобы последовать за сестрой. – Извини, Макар, – кивнула она ему, – мне надо бежать. Увидимся.

– И что это сейчас б-было? – напряжённо спросил Макар, адресуя свой вопрос не только Тяпе, но и всем остальным хихикающим дебилам-одноклассникам.

– А ты что, не в курсе? – пренебрежительно фыркнул кто-то. – Да про Дружину весь город уже знает.

– Знает – что? – уточнил он с непроницаемым лицом.

– Что она местная давалка, – охотно пояснил Тяпа. – Безотказная.

У Макара непроизвольно сжались кулаки.

– Ну, судя по т-тому, как она с тобой общается, тебе она как раз и не д-дала.

– А оно мне надо? – возмутился Тяпа, округлив глаза. – Она же жирная! Ты видел её жопу?

– Что-то мне п-подсказывает, что в мечтах о её жопе т-ты себе руки до кровавых мозолей стёр, – отчётливо выговорил Макар.

– Ты чё, совсем охренел?! – вскинулся было Тяпа, но грубая шутка Макара неожиданно получила одобрение одноклассников.

– Точно, Тяпыч, ну признайся же! – загоготали они, перебивая друг друга. – Дрочишь в ночи на Динкин светлый образ?

– Наверное, на физре тайком нафоткал её зад во всех ракурсах?

– Попроси её хорошенько, может, сжалится и лишит тебя девственности...

Лицо у Тяпы заполыхало всеми оттенками красного.

– Уроды, – выдавил он из себя беспомощно и жалко, и, подхватив свои вещи, тоже выка-
тился из столовой под дружное улюлюканье и свист.

Макар бросил вилку на стол. Ему было противно от всего происходящего – так, что даже замутило. Но больше всего его мучил вопрос – неужели вся та грязь, что говорили пацаны, правда?!

В класс Динка в тот день так и не вернулась – вероятно, на психе убежала домой. Место за партой рядом с Соней пустовало, и Макар ощущал эту пустоту буквально физически, словно в груди у него образовалась огромная дыра. Он весь извёлся от тревоги и неизвестности и, наконец, решился обратиться к Соне.

– Можно поговорить с т-тобой кое о чём? – поинтересовался он, когда уроки закончи-
лись.

– Ну давай, – она убрала учебники и тетради в сумку и повесила её на плечо, кокетливо улыбнувшись. – Можешь даже проводить меня до дома, по дороге пообщаемся.

Они вышли из школы и медленно побрели по мокрому тротуару, старательно обходя лужи – незадолго до этого пролился очередной зимний дождь.

– У тебя сегодня есть репетиция в цирке? – полюбопытствовала Соня.

Макар молча кивнул.

– Круто. Так хотелось бы попасть в ваше закулисье, посмотреть, как там всё устроено! – мечтательно проговорила она.

– Не вопрос, я тебя как-нибудь п-проведу, – пообещал Макар и, наконец, собрался с духом, чтобы спросить *о том самом*.

– Скажи, почему пацаны говорят о Д-динке, что она... ну, в общем... – он замялся, не зная, как это лучше сформулировать.

– Что она давалка? – спокойно переспросила Соня.

Он растерялся, но всё-таки кивнул:

– Ну да.

Она недобро прищурилась:

– Что ж ты не спросил об этом у самих пацанов?

Макар пожал плечами.

– Боюсь, мне п-преподнесут одностороннюю и не совсем объективную информацию. Хотелось бы услышать и другие версии.

– Зачем? – с нажимом спросила Соня. – Почему тебя в принципе это волнует?

– Может, п-потому, что она мне нравится? – решился признаться он.

Соня закатила глаза и многозначительно протянула:

– Понятно...

– Ты что-то имеешь п-против? – уточнил он.

– Да нет, – усмехнулась она, но не очень-то весело, – что я могу иметь против...

– Ну так что? Расскажешь? – спросил Макар.

Соня глубоко вздохнула.

– Но только между нами, хорошо? Динка меня убьёт, если узнает, что я откровенничала с тобой по этому поводу. Она вообще не любит это обсуждать.

– Хорошо.

– В общем, – Соня кусала губы, пытаясь подобрать слова, – бывший Динкин парень после ссоры слил её интимные фотки и видео в сеть. А точнее – в наш школьный паблик ВКонтакте.

– Вот к-как, – шокированно протянул он. – А насколько... интимные?

Ему всё ещё наивно хотелось верить, что там были какие-нибудь невинные фотки в нижнем белье ну или хотя бы топless.

– Контент восемнадцать плюс, – усмехнулась Соня. – Не думай, что там были целомудренные поцелуйчики в щёчку. Они трахались, Макар, – добавила она серьёзно. – И это узнала и увидела вся школа.

7

Всю дорогу до Сониного дома Макар пытался совладать с бурей эмоций, которая бушевала у него внутри. Хотелось орать, ругаться, крушить всё вокруг... а больше всего он мечтал сейчас от души навалить тому мудаку, который вывалил в сеть провокационные фото и видео. Правда, как выяснилось, мудака благополучно испарился – точнее, уехал с семьёй из Светлогорска ещё летом. Как раз перед отъездом они с Динкой и поссорились... и он напоследок решил отомстить вот таким мерзким и одновременно жалким способом. Герой, ничего не скажешь! Сам свалил – а девчонку оставил расхлёбывать это дерьмо... Макару страшно было даже представить, как она пережила этот позор. И, судя по всему, продолжает переживать – если учесть, что придурки вроде Тяпы с их idiotскими прикольными до сих пор никак не угомонятся, хотя прошло уже полгода.

– Как его зовут? – мрачно спросил он.

– Кого? – не сразу поняла Соня.

– Ну, Д-динкиного бывшего.

– А-а... Гарик. Игорь Лапицкий, – отозвалась она. – А зачем тебе? Его теперь не достать, он с родителями в Питер, кажется, переехал.

– Неужели никто так и не д-донёс до него информацию, что он к-козлина? – всё больше кипятился Макар. – У него что, д-друзей тут не было?

– Да не знаю, – Соня пожала плечами. – Вроде были, но так... знаешь, как это обычно бывает: разъехались, и дружбе конец. С глаз долой – из сердца вон.

– А как вообще админы вашего школьного п-паблика допустили публикацию этих материалов?! – продолжал недоумевать Макар.

– Так никто не знает, кто админ, – она серьёзно взглянула на него. – И посты там анонимно всегда публикуются. Это политика группы такая. Типа, мы за честное мнение о школе... там, бывает, очень жёстко полощут. Учителям тоже достаётся, ни с кем не церемонятся. А что, пусть знают, что мы на самом деле о них думаем! – запальчиво добавила она.

– Т-там что, и учителя сидят?! – он схватился за голову.

– Вообще-то паблик закрытый, но всех участников проверить и отследить нереально. Наверняка и учителя тоже есть... может, просто не под своими именами.

– И вот это всё... учителя т-тоже видели? – он закусил губу.

– Конечно же, видели, – вздохнула Соня. – Директрису чуть удар не хватил. Она потом даже собрание в школе устроила – «между нами, девочками». Целую лекцию прочитала о цело-

мудренности и чести. Типа, это самое главное достоинство для девушки, а тот, кто его утратил, не пользуется уважением у противоположного пола...

– Дура набитая, – Макар покачал головой. – Господи, ну какая же д-дура!

Ему даже представить противно было это судилище. Каково же было самой Динке...

– Правда, когда запахло жареным, пост довольно быстро снесли, – добавила Соня. – Но кто-то всё равно успел сохранить себе те видео и фото... они иногда до сих пор всплывают. Хотя сейчас, конечно, все уже подуспокоились. А вот что тогда творилось! – она округлила глаза. – Отец бушевал, первые месяцы Динку чуть ли не за ручку в школу водил, никуда одну из дома не отпускал.

– Охранял её от всяких придурков вроде Т-тяпы?

– Нет, – Соня покачала головой, – саму Динку контролировал. Боялся, что она опять чего-нибудь выкинет.

– При чём т-тут... блин, это же не она фотки слила! – Макар был страшно зол.

– Ну, она ведь нашу семью опозорила... по мнению отца.

– Пипец логика, к-конечно, – психанул он. – Пост выложил этот сраный Г-гарик, а семью опозорила Динка?

– Ну, в смысле... да что ты прикидываешься, будто не понимаешь! – рассердилась Соня. – Секс с парнем – это так-то не айс. До свадьбы, и всё такое...

– Херня всё это, – он раздражённо сплюнул. – Д-до свадьбы... А если замуж выйти в тридцать лет? Тоже невинность хранить д-до этого возраста? А если вообще никогда не выходить? Умри, но не давай п-поцелуя без любви? Каменный век. Накинулись всей стаей на д-девчонку... Вы же семья! Вы наоборот её п-поддерживать должны были!

– Я и поддерживаю! – возмутилась Соня, обиженно вытаращив глаза. – И всегда поддерживала. Да с Динкой после этого случая вообще никто общаться не хотел, все подруги разбежались, шушукались за спиной, пальцем показывали... На спинке её стула в классе написали «шлюха». Только я одна с ней и осталась! Выслушивала её, сопли ей утирала! Между прочим, отец её вообще не хотел больше выпускать из дома, Динка только со мной понемногу выходить стала.

– Вернее, не с тобой, а под твоим п-присмотром, – уточнил Макар; губы его искривила язвительная усмешка.

– Окей, под присмотром! – с вызовом согласилась Соня, вскинув подбородок. – Ну и что? Лучше уж так, чем совсем никак, не находишь? Без меня Динка так и сидела бы под домашним арестом все эти месяцы. Я, между прочим, тоже могла бы ходить с подругами по клубам, кафешкам и всяким тусам. А вместо этого меня приставили сторожем к собственной сестрице! Думаешь, мне это прямо по приколу?

– Ну хорошо, а ваша мама? – спросил Макар почти в отчаянии. – Она-то д-должна была поддержать... п-помочь... не осуждать, а посочувствовать!

Соня моментально сникла.

– Мама нет, – тихо сказала она. – Она в родах умерла, нас с Динкой отец воспитывал... Макар стало стыдно.

– Извини, – пробормотал он, – я не знал...

И внезапно добавил:

– А у меня отец погиб год назад. Стропа порвалась во время тренировки, он с двадцатиметровой высоты упал...

Соня изменилась в лице.

– Ужас какой!.. Мне очень, очень жаль, – пробормотала она и нерешительно взяла его за руку.

Макар удивился, но сразу выдёргивать руку было бы невежливо – в конце концов, таким способом Соня хотела проявить сочувствие.

Тем временем они дошли до её дома. Здесь уже начиналась частная территория. Макар с любопытством осматривал уютный двухэтажный домик с садом. Ему вдруг показалось, что занавеска на одном из окон второго этажа колыхнулась.

– Зайдёшь? – радушно предложила Соня. – Чаем напою.

Ему и в самом деле очень хотелось зайти, увидеть Динку и сказать ей что-нибудь... хорошее. Но Макар решил, что успеется, и отрицательно покачал головой:

– Спасибо, в другой раз. Сейчас мне на т-тренировку надо, – и наконец-то высвободил свою ладонь.

– Ну, как знаешь, – немного разочарованно протянула Соня. – Не забудь, ты обещал как-нибудь провести меня за кулисы!

– Не забуду. Д-до завтра, – попрощался он и, не удержавшись, снова покосился на окно второго этажа.

8

Учительница истории Жанна Борисовна, которую за глаза все школьники звали исключительно Жабой, обожала зубрил. Не было для неё большего наслаждения, чем выслушивать ответ ученика, полностью совпадающий с текстом из учебника. Стать отличником у Жабы было легко – достаточно было просто отвечать ей чётко по книге, слово в слово, и она буквально на глазах расцветала. А вот свободомыслия Жаба не терпела и резко пресекала любые попытки его выражения на своих уроках. Дискутировать с ней было бессмысленно, поскольку альтернативных точек зрения для Жабы не существовало и каждый ученик со своим мнением автоматически записывался в выскочки и хамы.

Вот и сейчас, слушая стоящую у доски Динку, историчка страдальчески морщилась, всем своим видом демонстрируя, какие невыносимые мучения доставляет ей столь безграмотный ответ.

– Садись, Дружинина, – устало выдохнула она наконец. – Я, конечно, понимаю, что учёба вообще и история в частности не входят в круг твоих интересов, у тебя другое в голове, но...

– А что не так? – неожиданно для самого себя вмешался Макар. – Ведь по сути она всё п-правильно ответила.

– Вознесенский, – покачала головой Жаба, – тебя мы послушаем в следующий раз, сейчас я тебя не вызывала. Дружинина, садись, – повторила она. – Три... с минусом.

– Но почему три? – вскинулась Динка. – Я же знаю материал. Я учила!

– Это несправедливо! – поддержал её Макар.

– Что именно несправедливо? – ледяным тоном отчеканила Жаба, уставившись ему в глаза.

Он выдержал этот взгляд, хотя понимал, что прямо сейчас наживает себе злейшего врага.

– У вас явно п-предвзятое отношение. Вы её нарочно валите!

– А ты сам бы хотел её завалить? – тихо хихикнул Тяпа.

Макар быстро повернулся к нему. Глаза полыхнули яростью, кулаки сжались сами собой. Некоторое время он молча гипнотизировал одноклассника взглядом, а затем, стиснув зубы, с шумом выдохнул.

– У меня п-правило – с убогими не связываться, – выговорил он наконец.

– Чё ты сказал, клоун?! – заверещал оскорблённый Тяпа.

Жаба постучала по столу авторучкой.

– Тяпкин! Вознесенский! – взвизгнула она. – Что за базар вы тут устроили!

– Это не базар, а рыцарский турнир, – иронично протянул кто-то с «Камчатки». – Поединок за честь прекрасной дамы...

– Напоминаю, что у нас здесь учебное заведение! – повысила голос историчка. – Вознесенский, не стоило устраивать эту провокацию. Я оценила ответ Дружининой ровно на столько баллов, на сколько она ответила. В конце концов, я учитель, если ты забыл. Я прекрасно знаю, на что способен тот или иной мой ученик. Выше этой планки Дружининой всё равно уже не прыгнуть...

– Да почему не прыгнуть-то? – запальчиво возразила Динка; щёки её покраснелись, глаза возмущённо сверкали. – Я, кажется, не тупее других. И тему я знаю!

– Честно говоря, Дина, – играя в искренность, почти с нежностью протянула Жаба, – я вообще не понимаю, что ты забыла в одиннадцатом классе. Вот в наше время девочки... скажем так, с *ранним развитием*... выбирали ПТУ, и это было логично и закономерно.

Динка побледнела как мел и пулей вылетела из класса.

– Дружинина! Вернись! Я тебя не отпускала! – поражённая подобной дерзостью, закричала историчка ей вслед. – Вознесенский, и тебя тоже! – добавила она в отчаянии, но он уже выскочил за дверь.

Догнать девчонку удалось на лестнице, ведущей на первый этаж.

– Дин, стой. Да п-подожди ты! – немного запыхавшись, он быстро настиг её и схватил за рукав.

– Пусти! – выкрикнула она истерично. – Что тебе от меня надо вообще? Заступничек выискался...

Однако всё-таки остановилась, тяжело дыша и глядя на него снизу вверх.

– А ты не хочешь, чтобы я заступался? – уточнил он.

Динка упрямо помотала головой.

– Не хочу. Я и сама могу за себя постоять! – выкрикнула она.

– А по-моему, т-ты уже не выводишь. И это нормально, – торопливо добавил он, – если учесть, сколько на т-тебя всего навалилось...

– А ты, значит, добренький, да? – она недоверчиво прищурилась.

– Да не то, чтобы д-добренький... – он пожал плечами. – Просто ты мне нравишься.

– Нравлюсь? – она закатила глаза и постучала костяшками пальцев по собственному лбу. – Ты совсем того? Ты же в курсе, что обо мне говорят.

– Ну, в курсе. И что? П-пусть себе треплются.

Она снова замотала головой.

– Ты вообще представляешь – каково это, когда тебя весь город считает шлюхой? Когда ты знаешь, что тебя голой с парнем в постели видели абсолютно все: отец, одноклассники, родители одноклассников и даже учителя... Даже какой-нибудь задрот Тяпа или старый алкаш – физрук Пётр Васильевич! – с отчаянной безысходностью добавила она. – Знаешь, как это унижительно – понимать, что все тебя считают давалкой и шалавой?

– Да мне п-плевать, что думают остальные. Я тебя т-такой не считаю, – твёрдо сказал он.

– Ты что, не врубаешься?! Я не девственница! – сказала она с вызовом.

– Ну и что? П-при чём тут это, вообще?! Я т-тоже, если тебе это интересно.

– Ты не понимаешь, это другое, – губы её насмешливо искривились. – Если парень спит с кем-то и меняет подружек – то он красавчик и крутыш. А если девочка – значит, она шлюха и давалка.

– Я не считаю т-тебя ни шлюхой, ни давалкой, – он не удержался и схватил её за плечи, чтобы легонько встряхнуть. – Ты д-для меня... самая лучшая.

Она притихла, несколько секунд ошеломлённо вглядываясь в его глаза; губы её чуть приоткрылись, и Макар почувствовал, как пересохло у него во рту.

– Ты как будто с луны свалился, – продолжая с любопытством его рассматривать, наконец заметила она; напряжение потихоньку рассеивалось.

– Вообще-то я из Москвы, – он улыбнулся краешками губ, боясь спугнуть её.

– Наверное, после столицы здесь совсем тухло, да? – спросила она с неожиданным сочувствием. – Даже не представляю, как можно переехать из мегаполиса в маленький городишко, который можно пешком за час обойти.

– Ну, в п-принципе... жить можно, – хмыкнул он. – Цирк здесь у вас хороший, мне нравится.

– Терпеть не могу цирк, – Динка сморщила нос. – Так бедных животных всегда жалко...

– Между п-прочим, при хорошем уходе и заботе цирковые хищники живут на несколько лет д-дольше, чем их сородичи в дикой природе, – возразил он. – Тут же многое от д-дрессировщика зависит. От его методов. Среди тех людей, с которыми мне п-приходилось работать, жестокое обращение с животными не практиковал никто. Наоборот, у зверей с хозяином п-полное взаимопонимание и любовь.

– Я и клоунов тоже ненавижу, – она обезоруживающе улыбнулась. – Они такие... страшные.

– А воздушных г-гимнастов? – спросил он в волнении.

Она испытывающе приподняла одну бровь.

– Ты ведь гимнаст, да?

Он кивнул.

– Интересно было бы посмотреть... – протянула она – неопределённо, с осторожностью, словно прощупывая почву.

– Хочешь, проведу тебя к нам? – спросил он. – Посмотришь, как устроен цирк изнутри...

Её глаза загорелись.

– А можно? Конечно, хочу! Когда?

– Да хоть прямо сейчас, – он пожал плечами. – С урока-то мы всё равно сбежали.

– А пойдём! – с какой-то отчаянной решимостью воскликнула она.

Макар совсем забыл, что обещал сводить в цирк и её сестру Соню... это сейчас не имело для него ровным счётом никакого значения. Главное – Динка согласилась!

9

До любой точки Светлоградска при желании можно было спокойно дотопать на своих двоих. Добраться из школы до цирка тоже можно было пешком, однако в тот момент, когда Динка с Макаром оказались за школьными воротами, к остановке подъехал старенький дребезжащий трамвай. Недолго думая, Динка схватила Макара за руку и потянула за собой.

– Прокатимся? – крикнула она весело.

– А он т-точно идёт до цирка? – усомнился Макар.

– Идёт-идёт, – заверила она. – В городе всего один трамвайный маршрут. Так что ни одного важного и значимого места не минует!

Вагон оказался полупустым, и Динка, по-прежнему не выпуская руку Макара, по-хозяйски потянула его к окну, где было два свободных места. Он надеялся лишь на то, что его ладонь не вспотела от волнения. Впрочем, когда они плюхнулись на сиденья и Динка всё-таки расцепила их руки, Макар испытал острое разочарование.

– Ты уже успел посмотреть город? – любопытствовала она.

Макар пожал плечами:

– В основном изучил маршруты от дома д-до школы и цирка... и обратно. На более подробный осмотр к-как-то времени не было.

– Тогда очень удачно, что мы поехали именно на трамвае, – радостно заявила Динка. – Между прочим, ты знаешь о том, что Светлоградск входит в десятку самых маленьких «трамвайных» городов России?

– Т-теперь знаю, – отозвался он, любуясь её улыбкой.

– В прошлом году трамвайную линию хотели вовсе закрыть, – продолжала беззаботно щебетать она. – Ну, типа, нерентабельно и всё такое, большинство всё равно пользуется маршрутками или собственными автомобилями. В мэрии уже указ подготовили. Так тут такая буча поднялась! Весь город на митинги ходил, кто-то даже грозился голодовку устроить. В итоге всё-таки отстояли наш трамвайчик... – Динка перевела на него взгляд и возмутилась:

– Ты не слушаешь!

Макар виновато покачал головой и честно ответил:

– Нет. Я... засмотрелся. Ты очень к-красиво рассказываешь.

Она открыла было рот, чтобы сказать что-то явно язвительное, но поймала его взгляд и... смущённо промолчала.

Некоторое время оба сосредоточенно делали вид, что внимательно смотрят на городские пейзажи, проплывающие за окном. Наконец Динка нарушила неловкое молчание.

– А почему ты решил стать именно воздушным гимнастом? Когда понял, что это – твоё?

Макар усмехнулся:

– Да у меня и выбора, честно г-говоря, не было. Перед глазами с детства стоял родительский п-пример... Хотя цирковые с малолетства обучаются разным жанрам. Я и с к-клоунами работал, и с лошадьми, и с иллюзионистами. Помню, когда мне б-было семь лет, я готовил акробатический номер, – Макар изобразил страдальческое лицо. – Надо было разбежаться и п-прыгнуть на руки стоящим передо мной ребятам. И вот я, значит, разбежался... но прыгнул неудачно, п-промахнулся. В итоге проехал мордой по к-ковру до конца манежа – метра три. И это п-прямо во время выступления!

– Что, серьёзно? – Динка заливисто расхохоталась. – Слушай, это ужас...

– Угу, – кивнул Макар, сам давясь смехом. – Б-было больно, стыдно, противно... К-короче, с тех пор я невзлюбил акробатику.

– А в гимнастику, значит, влюбился? – понимающе спросила Динка.

– Т-типа того... Просто однажды мы с родителями п-поехали на международный цирковой фестиваль, и я там увидел номер д-девочки-итальянки – примерно моей ровесницы. Она работала в жанре «корд-де-парель». Она меня п-просто восхитила, – признался Макар. – Одно д-дело – наблюдать за родителями, которые кувыркаются под куполом, а д-другое – когда это делает какая-то сопливая д-девчонка... В общем, я тут же выпросил у отца к-канат для себя, чтобы т-тренироваться. Девочка во время того выступления так непринуждённо, легко и к-красиво выполняла свой номер, что я был уверен – мне-то это тем более не составит т-труда. Ну, короче, – Макар смущённо потёр нос, – я ухватился за канат руками и ногами и т-тупо повис. Тряпочкой. Какое там «летать», я не мог на нём даже подтянуться! Т-такое разочарование было, я-то думал – сейчас к-как залезу да как полечу!

Динка смеялась вместе с ним, и он готов был из кожи вон вылезти, лишь бы на её губах как можно дольше играла эта потрясающая улыбка.

– Но в итоге же всё равно научился? – уточнила она.

– Научился, – кивнул Макар. – Пришлось п-полтора года потратить на подготовку полноценного д-десятиминутного номера в воздухе. Уже не с родителями, а соло...

– А это страшно? – наивно спросила Динка, по-детски округлив глаза. – Ну, вот когда ты там – наверху...

– Конечно, страшно, – просто ответил Макар. – Вообще специфика воздушной г-гимнастики в том, что это очень опасно. Мы ведь часто б-без страховки работаем, а что это значит?

– Что? – заворожённо откликнулась Динка.

– Что если раскроется рука – то всё, пипец. Или сам упадёшь, или человека уронишь, если работаешь с п-партнёром.

– Наверное, нужно очень сильные руки иметь? – с уважением протянула Динка, покосившись на Макара.

– Не т-олько. Нужно этими руками ещё очень хорошо... чувствовать, – сумбурно объяснил он. – А когда с п-партнёром выступаешь, там вообще сложно... п-притирка очень долго идёт, поэтому у гимнастов обычно складываются постоянные пары на много лет.

– Как у твоих родителей? – понимающе спросила Динка.

– Ну да... – отозвался он, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

– А свои номера ты сам готовил или они тебе помогали?

– Скорее, к-консультировали. После моих выступлений мама всегда устраивает разбор п-полётов. Отругать может – где-то не то выражение лица, где-то носок недотянул... А п-папа обычно стоял на лебёдке, – быстро добавил Макар. – Это аппарат, который поднимает наверх. Следил за б-безопасностью...

– А ты перед самым выходом на арену боишься? – вопросы сыпались из Динки как горох.

– Боюсь, – честно признался Макар. – Иногда прямо внутренняя п-паника захлёстывает, истерия какая-то, аж пальцы т-трясутся. Стыдно ужасно, но я не могу это остановить...

Он не стал упоминать о том, что после гибели отца не мог выходить на манеж несколько месяцев, но потом тяга к полётам всё же пересилила.

– И как ты с этим справляешься? – протянула Динка сочувственно. – Молишься?

– Скорее, медитирую, – хмыкнул он. – П-перед самым номером на несколько секунд закрываю глаза, настраиваюсь и ухожу в себя. Мысленно обращаюсь к к-какому-то высшему разуму.

– Офигеть, – выдохнула она восхищённо. – Я бы никогда не смогла...

Чтобы сбить пафос момента, Макар тут же добавил:

– Знаешь, может, я циник... но к-когда практически каждый день жизнью рискуешь, очень смешно наблюдать, к-как за кулисами перед выступлением стоят жонглёры... ну, те, которые б-булавы подбрасывают... стоят, значит, к-крестятся и молитвы бормочут.

Динка расхохоталась, чего он и добивался.

Тем временем трамвай незаметно подполз к остановке «Цирк».

– Упс! – Динка торопливо вскочила и дёрнула Макара за рукав. – Чуть не проехали! Бежим!

10

Макар ещё и сам не чувствовал себя абсолютно «своим» в Светлоградском цирке, но, раз уж вызвался провести для Динки экскурсию по закулисью, пришлось волей-неволей взять на себя обязанности радушного хозяина. И теперь – с позиции хозяина – он искоса поглядывал на девочку, с волнением оценивая: нравится ли ей? Не скучно ли? Почему-то для него было очень важно, чтобы Динка прониклась всей этой цирковой атмосферой, так сильно любимой им самим. Чтобы ей тоже было приятно дышать тем воздухом, который Макар с наслаждением вдыхал практически с самого рождения.

Похоже, Динке действительно было интересно: глаза её горели, и она с восторгом осматривалась вокруг. Все цирковые артисты, попадавшиеся им навстречу, тоже со сдержанным любопытством косились в её сторону, но не задавали Макару лишних вопросов. Увидев в одном из закоулков парня, подбрасывающего и ловящего булавы, Динка покосилась на Макара и, не выдержав, захихикала – очевидно, вспомнила его рассказ про то, как жонглёры молятся перед выходом на арену.

– Привет, Мак, – поздоровался парень, продолжая непринуждённо жонглировать, – ты что-то рано сегодня, манеж занят пока.

– Я в курсе, – кивнул Макар. – Мы тут пока просто... п-погуляем.

– А, ну давай, – стрельнув в сторону Динки быстрым незаметным взглядом, кивнул тот и ушёл, не прерывая жонглирования даже на ходу.

– Круто у него получается! – восхитилась она. – Как будто никаких усилий не прикладывает вообще.

– В этом и заключается г-главная цель циркового искусства, – пожал плечами Макар. – С видимой лёгкостью выполнять адски сложные номера... чтобы п-публика офигевала. Тут же нет обмана или п-подставы – все трюки выполняются по-честному и сразу. Никаких вторых д-дублей.

– Круто... – повторила она мечтательно. – А помнишь, ты рассказывал про международный фестиваль, где увидел итальянскую девочку-гимнастку? Ну, ту самую, которая тебя вдохновила?

– Да, а что?

– Тебе вообще часто на такие фестивали ездить приходится?

– Ну к-конечно. Это необходимо для профессионального роста. На д-других посмотреть, себя показать, – улыбнулся он. – Я несколько раз становился п-призёром молодёжных цирковых фестивалей, а родители семь лет назад даже п-получили «Золотого клоуна» в Монте-Карло, – и, увидев, что Динка непонимающе округлила глаза, пояснил:

– Это п-практически то же самое, что завоевать «Оскар» в кино. Очень п-почётная и престижная награда!

– Обалдеть... – пробормотала она.

– А хочешь, в конюшню сходим? – предложил он. – На лошадей посмотрим.

Динка расцвела:

– С удовольствием!

Впрочем, о решении привести Динку в конюшню Макар очень скоро пожалел. С лошадьми в местном цирке работала династия наездников Аслахановых – все джигиты как на подбор, статные красавцы с черносливым взором. Как назло, в тот момент двое из братьев Аслахановых как раз были в конюшне – и уж они не могли спокойно пропустить появление незнакомой симпатичной девушки.

Особенно усердствовал младший из братьев – девятнадцатилетний Маирбек. Он с удовольствием вызвался познакомить Динку с лошадками, позволил ей покормить четвероногих красавцев морковкой с ладони – при этом, поддерживая Динкину руку якобы с целью помочь, практически прижался к ней всем телом. Макар буквально кипел от ревности, но из последних сил сдерживался: Динка, похоже, ничего не замечала, полностью поглощённая лошадьми, и щебетала без умолку. Его брат Заурбек тоже не отставал – сыпал сценическими байками и анекдотами, весёлыми случаями из цирковой жизни, а Динка весело хохотала, отчего Макар всё больше мрачнел.

– Ладно, п-пойдём, – не выдержал он наконец, – что-нибудь ещё посмотрим.

Она с видимым сожалением оторвалась от лошадей.

– Приходи на представление, красавица! – радушно пригласил Маирбек. – Посмотришь нашу джигитовку...⁶ – и залихватски подмигнул, чуть ли не облизываясь на неё, как кот на сметану.

– Спасибо, обязательно приду, – пообещала Динка с улыбкой.

Они уже вышли из конюшни, когда Макар вдруг остановился.

– П-подожди меня минутку, – попросил он; в голосе звенело тщательно сдерживаемое напряжение. – Я сейчас, быстро...

И метнулся обратно.

⁶ *Джигитовка* (от тюркского «джигит» – лихой, храбрый, опытный всадник) – скачка на лошади, во время которой наездник выполняет гимнастические и акробатические трюки, военно-прикладной вид конного спорта, а также неотъемлемая часть циркового искусства.

Братья Аслахановы о чём-то весело переговаривались, но при виде Макара переглянулись и затихли. Только у Заурбека в глазах притаилась насмешка – или Макару это просто показалось на нервах? Он и сам толком не знал, что собирается им сейчас сказать, но злая энергия бурлила внутри и буквально требовала выхода.

– Что-то забыл, брат? – дружелюбно, как ни в чём не бывало, поинтересовался Заурбек, и Макар почувствовал себя полнейшим придурком.

Может, он и правда зря себя накрутил? Никто на его драгоценную Динку посягать и не думал... И в этот момент Маирбек, расслабившись, одобрительно выдал:

– Ты где такую роскошную девушку нашёл? Просто персик! – и похабно причмокнул губами.

У Макара потемнело в глазах, едва он услышал этот «персик». Не помня себя, он кинулся к Аслаханову-младшему, сгрёб его в охапку, встряхнул, собираясь то ли швырнуть на пол, то ли ударить о стену...

Но в этот миг сзади, как вихрь, на него налетел Заурбек: обхватил со спины руками, резко дёрнул, оттаскивая от брата и причитая:

– Макар, ты рехнулся, брат?! Ты что творишь?

– Она т-тебе... не «персик», п-понял?! – задыхаясь от ярости, выговорил Макар. – Ты даже думать о ней в таком к-контексте не смей!

Встревоженные агрессивной атмосферой и голосами лошади зафыркали, застучали копытами по полу.

– Да ты что, с цепи сорвался?! – жалобно протянул ошеломлённый Маирбек. – Шуток, что ли, не понимаешь...

– И шутить на её счёт т-тоже... не надо, – Макар зло сверкнул глазами.

– Ну прости, прости, брат, перегнул палку, – повинился Аслаханов, примирительно подняв вверх обе ладони. – Не хотел ни тебя обидеть, ни твою девушку. Больше не буду.

– Да отпусти т-ты меня, – дёрнув плечом, раздражённо бросил Макар Заурбеку. – Не буду я драться. Считайте, что п-просто предупредил.

Аслаханов с сомнением, но всё-таки разжал свою железную хватку, и Макар, не говоря больше ни слова, развернулся и направился к выходу.

Наверное, на его лице было написано что-то такое... отчаянное и безумное, потому что Динка, дождавшись его возвращения, испуганно ахнула:

– Что случилось, Макар? Ты в порядке?

– В порядке, – глухо отозвался он.

– Что там у вас произошло? – она продолжала с тревогой вглядываться в его лицо.

– Всё в п-порядке, – немного справившись с собой и эмоциями, уже твёрже повторил он. – Так... п-порешали кое-что из организационных вопросов.

11

А дальше всё как-то не задалось, не заладилось – словно эпизод в конюшне испортил магию момента.

Динка, чувствуя нервозность и раздражение Макара, искоса робко поглядывала на него, но больше не щебетала без умолку, а удручённо помалкивала, изредка тихонько вздыхая. Как ни пытался он затем развеселить её, придав голосу беззаботной непринуждённости – момент был явно упущен.

К тому же, на манеже началась тренировка воздушных гимнастов – и Макар, уже притащив туда Динку, понял, что сделал это зря. Во-первых, появление Макара с девушкой очень болезненно восприняла маленькая Яна. Она поглядывала на парочку не слишком-то доброжелательно и обиженно сопела. Во-вторых, на манеже как раз была мать – в комплекте с этим

слащавым Мишей, разумеется. Она тоже явно не пришла в восторг от спутницы сына: окинула её очень выразительным взглядом от макушки до пяток, отчего Динка (Макар заметил) даже поёжилась. Все мысли и эмоции матери можно было легко прочесть по её лицу: «Сынок, ты что, с ума сошёл? Кого ты сюда притащил?! Что у тебя со вкусом?»

– У тебя двадцать пять минут до тренировки, – напомнила мать Макару, холодно кивнув Динке, что, видимо означало примерно следующее: «Я не очень-то рада нашему знакомству, но приличия обязывают». – Не вздумай опоздать, расписание сегодня плотное

– Я, наверное, пойду? – нерешительно подняв на него глаза, поинтересовалась Динка. – Спасибо за экскурсию, было прикольно... но ты ведь занят. Тебе работать нужно, не хочу мешать.

– Да ты можешь остаться, – запротестовал было Макар. – Т-ты совсем не мешаешь и не отвлекаешь.

– Нет, спасибо, – обхватив себя за плечи, словно ей внезапно стало холодно, покачала головой она и покосилась в сторону его матери.

В этот момент, словно приходя Динке на выручку, зазвонил её телефон.

– Это Соня, – взглянув на экран, сообщила она и ответила на звонок сестры.

Макар деликатно отошёл в сторону и остановился в нескольких шагах. И всё-таки он не мог оторвать от неё взгляда, продолжая таращиться как идиот и любуясь каждым Динкиным движением: как она наматывает прядь волос на палец, разговаривая по телефону, как закусывает нижнюю губу, как озабоченно хмурится и кивает...

– Мне пора домой, – сообщила Динка, закончив разговор и подходя к Макару. – Соня меня потеряла. Она мою сумку забрала, я же из класса вообще без вещей убежала, только мобильник в кармане был...

– Ну... ладно, – откликнулся он огорчённо. – Надеюсь, т-ты ещё когда-нибудь сюда придёшь.

Она серьёзно взглянула ему в глаза.

– Я обязательно приду на представление. Хорошо?

– Ты скажи, когда – и я тебя п-проведу... – начал было он, но Динка покачала головой:

– Не надо, Макар. Я сама в состоянии купить себе билет в цирк, не сомневайся.

– Д-да я не в этом смысле... – расстроился он.

– Ладно, я побегу. Проводишь меня до выхода? А то боюсь заблудиться...

Они дошли до служебной двери и в нерешительности остановились друг напротив друга. Динке явно не терпелось поскорее сбежать, и он готов был завывать от досады, что всё закончилось вот так скомканно.

– Ты п-правда не обижаешься? – проверил он напоследок.

Она удивилась – вроде бы совершенно искренне.

– На что?! Нет, Макар, всё было хорошо, не парься. До завтра!

– Пока... – попрощался он, глядя ей вслед и чувствуя себя так, будто у него вырвали кусок сердца.

Похоже, он становился по-настоящему зависимым от Динкиного присутствия и сам не знал, радоваться этому или огорчаться.

Уже переодевшийся для тренировки, он выскочил на манеж и столкнулся с матерью, которая как раз закончила свой номер.

– Постарайся сегодня нигде не задерживаться, – мягко сказала она Макару, коснувшись его щеки с мимолётной нежностью. – Я Мишу на ужин пригласила... – добавила она осторожно, точно прощупывая почву.

– Ну, п-пригласила – и пригласила, – буркнул он хмуро, – я-то тут при чём? Вы спокойно можете п-пожрать и без меня, – показной грубостью он старался замаскировать предательские жалобные нотки в голосе.

– Нет, Макар, – ласково, но настойчиво произнесла она. – Ты тоже должен присутствовать. Это что-то вроде... семейного ужина.

– К-какого ещё семейного ужина? – моментально ошетинился он. – Этот Миша – ни хрена не член семьи.

Мать поджала губы, собираясь с мыслями.

– Он... наш близкий друг, – выдала она наконец.

– Т-твой, а не наш, – сердито возразил Макар. – Мне он вообще никто.

– Господи, ну как можно быть таким упрямым, – вздохнула она. – Сынок, пожалуйста... для меня очень важно, чтобы ты был дома сегодня вечером.

– Хорошо, – нехотя отозвался он, – б-буду.

– И постарайся вести себя с Мишей... повежливее, – добавила она, и, заметив, как закатывает Макар глаза, торопливо добавила:

– Ради меня.

– П-постараюсь, – коротко бросил он, отводя взгляд.

Мать заметно расслабилась:

– Ну вот и прекрасно! Спасибо тебе, милый, – и тут же перевела тему. – А что это за девочка с тобой была? Такая... *крупная*?

– Спасибо, что не «т-толстая» или «жирная»! – снова моментально вспыхнул он. – У неё очень красивая фигура. Просто она не гимнастка!

– Это же твоя одноклассница, верно? – пропустив его пламенную тираду мимо ушей, продолжала расспросы мать.

– Ну да. И что с того? Я не имел права п-привести её на репетицию?

– Не в этом дело... – мать помолчала. – Об этой девочке не очень хорошо говорят.

– Кто говорит? – тут же быстро переспросил Макар, впиваясь в неё цепким взглядом.

– Ну... – замялась она. – Миша сказал, что несколько месяцев назад...

– П-понятно, – перебил Макар. – Источник городских сплетен у нас – д-дядя Миша. Надеюсь, он не п-поскупился на красочные подробности?

– Ну что ты сразу передёргиваешь! – всплеснула руками мать. – Я же ни в чём её не обвиняю. Хотя, конечно, дыма без огня не бывает, но...

– Т-так, хватит, – Макар предостерегающе поднял ладонь. – Если ты хочешь, чтобы я пришёл сегодня на этот д-долбанный ужин и вёл себя как примерненький мальчик – б-больше ни слова о Дине.

– Когда же ты успел так сильно ею... увлечься? – озабоченно пробормотала мать, но, покачав головой, предусмотрительно не сказала больше ни слова.

Макар присел на борт манежа, потирая ладонями разгорячённое лицо. Настроение и так было паскудным после ухода Динки, а теперь ещё больше ухудшилось.

– Ты сто, плацес? – услышал он над ухом тоненький голосок и, отняв руки от лица, увидел малышку Яночку.

– Нет, – Макар улыбнулся и щёлкнул её по носу. – П-просто задумался.

– Ты её любис? – строго спросила Яна.

– К-кого? – оторопел Макар.

– Эту девуску, котовая с тобой пйиходила.

– Ну... – он почувствовал, что краснеет. – Не люблю, но она мне очень нравится.

– Она лупсе, цем я? – огорчилась Яна.

– Ты просто прелесть, – уклончиво отозвался Макар и, ещё раз с улыбкой щёлкнув её по носику-пипке, поднялся на ноги. – Мне п-пора репетировать, прости.

«Близкий друг, практически член семьи» явился в гости с цветочками и коробкой конфет, при полном параде – спасибо, хоть галстук-бабочку не нацепил. Мать сияла и смущалась, хихикая как дурочка, и Макару было за неё ужасно стыдно.

Впрочем, сам ужин прошёл вполне сносно, если не считать того, что от одного только вида Миши с его сладенькими ухмылочками у Макара начисто отшибло аппетит. Он поковырял вилкой в салате, терпеливо выслушивая Мишин хвастливый монолог о том, как он в молодости работал в Цирке дю Солей (*«И не то чтобы школа у них круче, чем российская, но хоть деньжат подзаработал!»*), поблагодарил за ужин и с чистой совестью отправился в свою комнату. Тем более, как он понимал по масляно заблестевшим глазам Миши, этим двоим уже не терпелось уединиться. Макар, конечно, всё понимал и не осуждал, взрослые люди, но... было противно. С другой стороны, не в отель же им идти... Интересно, а в этом городе в принципе есть отели?

У себя в комнате он некоторое время посидел за ноутом, шарясь в соцсетях. Разыскал ВКонтакте Динку и, помешкав пару мгновений, всё-таки отправил ей запрос на добавление в друзья. Никаких личных фото на странице у Динки не было, даже на аватарке красовалась какая-то мультяшка, однако это совершенно точно была она, потому что во френдах у неё он увидел Соню и ещё пару девчонок из класса. Интересно, а что за школьный паблик, куда бывший слил её фотки? Макар попытался выйти на него по поиску через номер школы и название города, но это ни к чему не привело. Да и, в конце концов, что он там забыл? Тот старый пост всё равно уже удалили, а перемывать анонимно косточки учителям и одноклассникам... не больно-то и хотелось, у него просто не было на это времени.

Около одиннадцати ночи хлопнула дверь – гость ушёл. Ну надо же, какой деликатный... постеснялся остаться до утра, чтобы не смущать Макара?

Он вышел на балкон, чтобы глотнуть свежего воздуха, и долго стоял там, облокотившись на перила. С наступлением темноты жизнь в городке как будто замирала, только иногда проезжали редкие машины и кое-где ещё слышались голоса. Кто-то гулял, смеялся... А за углом продребезжал последний трамвай, следующий по единственному в городе маршруту. Ещё днём они с Динкой ехали на нём в цирк, шутили, болтали друг с другом...

Он перевёл взгляд на кофейный автомат под балконом. Вспомнил, как Динка пила свой сливочный капучино и полоска пены осталась на её верхней губе. Макар стиснул зубы, чувствуя, как снова тяжелеет в паху. Да что ты будешь делать! Наваждение какое-то!

Он вернулся в комнату, оставив дверь балкона открытой – нужно было охладиться. Может, вообще принять холодный душ?.. Вдруг показалось, что мать до сих пор не спит – из гостиной доносились какие-то звуки, вроде бы даже музыка. Телик она, что ли, включила?

Макар вышел из комнаты и обнаружил картину маслом: мать сидела в кресле перед телевизором, а на журнальном столике рядом с ней стояли бутылка вина и полупустой бокал. Макар удивился – мать не была особой любительницей алкоголя. А затем он перевёл взгляд на экран и всё понял: она включила запись одного из своих старых выступлений с отцом.

Рвануло сердце – остро, больно, Макар чуть не задохнулся. Так и замер в дверном проёме, не решаясь подойти ближе и заворожённо уставившись в экран...

– ...Они никогда не пользовались и не пользуются страховкой, – пафосно вещал диктор за кадром, – их секрет – в абсолютном доверии друг другу! Встречайте, одни из лучших воздушных гимнастов мира: Лев и Зоя Вознесенские!

– Мы с ним познакомились и сразу же влюбились друг в друга, – тихо сказала мать, всё-таки заметив присутствие Макара. – А уже потом пришла идея совместного номера... От первой репетиции до выступления на публике прошло всего два месяца, представляешь? Неко-

торые элементы оттачивали уже в воздухе... Потребовался срочный ввод на замену, вот мы и вызвались с полусырым материалом. Но какой он имел успех!

– Это же Б-большой московский цирк? – уточнил Макар, сделав несколько шагов вперёд и не отрывая взгляда от телевизора.

– Да, – кивнула мать.

Подоплека вопроса была очевидна без пояснений: высота купола в этом цирке равнялась тридцати шести метрам. Абсолютный рекорд... Мать не раз говорила ему, что на репетициях гораздо страшнее, чем на самих выступлениях – потому что во время представления гимнасты не видят, насколько высоко находятся, свет слепит им глаза.

Макар покосился на мать и заметил, что её ресницы блестят от слёз. Он присел рядом с её креслом прямо на пол, нашёл её руку, но ничего не сказал. Просто не нашёл подходящих слов.

Затаив дыхание, он наблюдал за двумя фигурками на экране, казавшимися такими маленькими и хрупкими! Макар знал, помнил, что сейчас они подбираются к самому опасному трюку, и хотя понимал, что это всего лишь запись, невольно напрягся и, кажется, вовсе перестал дышать.

В какой-то момент под тревожную музыку мать просто обрывалась вниз, и отец буквально в последний момент подхватывал её ступнями под мышки. Что в этот момент творилось в зале! Крики и аплодисменты было слышно даже сквозь музыку. Обрывы вообще были фирменной «фишечкой» родителей, они исполняли их виртуозно, цепляясь за запястья или пальцы ног партнёра.

Далее следовал очередной сложнейший трюк – вращение «валетом» вокруг трапеции, а завершала номер вишенка на торте: матери нужно было снова уйти в обрыв, перевернуться в воздухе и успеть зацепиться за партнёра не руками, а носочками.

Номер закончился. Музыка стихла. Экран погас.

– Ты п-по нему скучаешь, мам? – спросил Макар осторожно.

Мать заплакала, по-детски утирая лицо ладонками.

– Мне так одиноко, Макар, ты даже не представляешь... – жалобно всхлипнула она.

– Ты, если хочешь, встречайся с Мишей, п-пожалуйста, – сконфуженно пробормотал он, готовый провалиться сквозь землю. – Я же не п-против... ну не плачь. П-перестань!

– Ладно, – одна залпом допила вино и встала. – Иди к себе, сынок. Поздно уже, тебе завтра в школу.

С Динкой творилось что-то непонятное. С самого утра в школе она старательно делала вид, что не замечает Макара. На его приветствие почти не отреагировала, кивнула как едва знакомому, а на уроках сидела прямо и ровно, точно кол проглотила, ни разу не обернувшись.

Не выдержав, Макар всё-таки прикоснулся к её плечу. Искоса бросив на него взгляд, Динка шёпотом спросила:

– Чего тебе?

– У т-тебя нет запасной ручки? – брякнул он первое, что пришло ему в голову. – В моей п-паста закончилась...

– Нет, – коротко бросила она и снова отвернулась.

– У меня есть, возьми, – протянула ему ручку Соня, мило улыбнувшись. – Можешь не возвращать, у меня ещё есть.

– Спасибо, – буркнул он.

Настроение было отстойное, бубнёж учителя только раздражал. Хотелось вытащить Динку из-за парты, хорошенько встряхнуть и потребовать объяснений.

На переменах вокруг постоянно было полно людей, и Макар не решился заговорить с Динкой при всех. В столовой она и вовсе отсела за соседний стол, оставив Макара наедине

с Соней. Та, похоже, не удивилась этому, наоборот – была премного довольна, а вот он взбесился не на шутку. Что ещё за игры?

На выходе из столовой ему всё-таки удалось ухватить её за рукав и задержать.

– В чём д-дело? – прямо спросил он. – Тебе что, влетело от отца? Он узнал, что т-ты прогуляла уроки? Соня рассказала?

– Пусти, – она сердито вырвалась. – Ни от кого мне не влетело.

– Тогда с какого п-перепуга ты на меня смотришь как на врага народа?!

Динка отвела взгляд.

– Скажи, ты ведь Соне тоже обещал сводить её за кулисы? – спросила она наконец.

Он нахмурился, вспомнив о своём обещании. И дёрнул же чёрт!

– Ну... было д-дело, обещал. И что?

– Ничего, – сердито буркнула она. – У тебя расписание на месяц вперёд, наверное? Кто следующий?

– Что ты несёшь! – возмутился он. – К-какое ещё расписание?

– Да чего ты ко мне прицепился-то?! – воскликнула она почти жалобно. – Прилип как банный лист... что тебе, других девчонок мало? Или ты на спор? А что, это ж дело чести – завалить Дружинину, «терять-то ей всё равно уже нечего», – насмешливо произнесла она, явно копируя чьи-то интонации.

– Дин, я... – голос у него сорвался на хрип. – К-какой ещё спор? И при чём т-тут другие девчонки? Мне ты нравишься. Только т-ты, понимаешь?

Динка затихла, недоверчиво глядя на него. Он молчал.

– И чем же я тебе так нравлюсь? – скептически осведомилась она наконец.

Он пожал плечами.

– Не знаю... всем. В тебе нет ничего, что меня раздражает.

– Извини, Макар, – серьёзно выдохнула она. – Может, ты и правда хороший парень... но мне ничего этого не надо. Честно. Я устала постоянно бояться, что меня снова подставят или обманут.

– Я не обману! – заверил он. – Я для т-тебя всё сделаю! Всё, что ты т-только захочешь!

– Всё, что захочу? – глаза её снова сделались холодными и колючими, как две льдинки.

– Всё, что скажешь, – с готовностью выдохнул он.

– Ну тогда... тогда... – она усмехнулась. – Войди к тигру в клетку ради меня. Сможешь?

13

«Войди к тигру в клетку».

Динкины слова набатом звучали у него в ушах всю дорогу, пока он шёл к цирку. Сначала ему показалось, что это просто неудачная шутка, но Динка смотрела на него зло и отчаянно. Она ведь знала, должна была помнить, что тигр стал причиной его заикания. То есть... намеренно выбрала такой способ проверить его? Испытать на деле – готов ли Макар сделать для неё всё, о чём бы она ни попросила? Впрочем, судя по выражению её лица, она не верила в это ни секунды... Просто надеялась от него избавиться, полагая, что теперь-то он точно отстанет. Ха! Плохо же она его знала.

Во рту у Макара пересохло, сердце готово было выскочить из груди.

«А если я это сделаю, что п-получу взамен?»

«О, ты уже начал торговаться, – она криво улыбнулась. – Ну тогда... тогда я исполню любое твоё желание».

«Любое?» – напряжённо уточнил он.

«В пределах моих сил и возможностей, конечно. Я тебе не золотая рыбка».

«Я это сделаю», – сухо пообещал он, и, наблюдая, как она выразительно и недоверчиво закатывает глаза, торопливо добавил: «Но и ты чтобы т-тогда... без обмана».

«За кого ты меня принимаешь? – холодно ответила Динка. – Я всегда держу своё слово».

...И вот сейчас он шёл пешком в сторону цирка, размышляя, как осуществить задуманное.

Макар не был полным идиотом и прекрасно понимал, что может зайти в клетку и просто-напросто не выйти оттуда. К тому же, нужны были какие-то доказательства его пребывания тет-а-тет с тигром. Не скажешь же Динке: «Я сделал то, о чём ты просила, просто поверь мне на слово». Врать и фальсифицировать, подключая мнимых «свидетелей», тем более не хотелось...

«Фото! – осенило вдруг его. – Надо сфотографироваться на телефон прямо в клетке. Тогда она точно мне поверит».

Зверинец в светлогорском цирке был небольшим. Перед входом к хищникам горело предупредительное табло: «Вход строго воспрещён!» Больших кошек было всего четыре: два тигра, лев и леопард. Каждому полагалась отдельная клетка. Оба тигра, Мартин и Юнона, были белыми – генетические мутанты. Как вскользь слышал когда-то Макар, у белых тигров нет гена, отвечающего за обычную для их сородичей окраску – именно поэтому они хуже, чем рыжие тигры, приспособлены к жизни в дикой природе и не могут охотиться из-за отсутствия маскировки. Как правило, такие тигры не выживают без помощи людей. Однако менее опасными для человека они от этого не становятся...

Пахло в зверинце специфически, с непривычки могло и замутить, хотя животных регулярно мыли. А ещё близкий и резкий запах хищников неизменно будил в Макаре воспоминания о том давнем случае с Элвисом, когда отец кинулся на помощь... Впрочем, сейчас вонь волновала его меньше всего.

Обычно ключи от клеток хранились у дрессировщика, но Макар знал, что запасной комплект должен висеть здесь же, в зверинце, на щитке – для работника, который занимался кормёжкой. Время завтрака уже прошло, так что можно было рассчитывать на то, что звери как минимум сыты.

Заветные ключики нашлись сразу же. Поколебавшись, кого из тигров выбрать, он остановился на Юноне. Вроде бы говорили, что тигрицы более умные и сообразительные. Может, повезёт и она не станет просто так кидаться на него и жрать?

Единственное, что помнил Макар из правил поведения с дикими животными – то, что нельзя поворачиваться к хищнику спиной, это могло спровоцировать нападение. А ещё нельзя убегать, иначе у животного сработает рефлекс преследования, и даже если изначально не было планов нападать – удержаться будет просто невозможно.

Юнона расслабленно дремала, положив голову на лапы, но при появлении Макара сразу же встрепенулась.

– П-привет, – вполголоса поздоровался Макар, чтобы успокоить то ли её, то ли самого себя.

Тигрица продолжала пристально наблюдать, как он засовывает ключ в замок и поворачивает его. Внешне она вроде бы сохраняла неподвижность и спокойствие, но её выдавали нервно подрагивающие уши.

– Не бойся, я тебе ничего п-плохого не сделаю, – продолжал бормотать какую-то чушь Макар, хотя понимал, что опасаться плохого стоит прежде всего ему самому, а не Юноне.

Когда он наконец приоткрыл дверцу клетки и осторожно ступил внутрь, тигрица утробно зарычала. Этот звук носил скорее предупредительный характер, выражая не агрессию, а лёгкое беспокойство.

Между тем по соседству тоже началось волнение – появление чужака не прошло незамеченным. Белый тигр Мартин подошёл совсем близко к краю своей клетки и тоже зарычал, обеспокоенный вторжением к подруге. Лев Цезарь принялся нервно ходить туда-сюда, из угла в угол.

– И чего вам не спится... – рассеянно нёс всякую чушь Макар. – П-пожрали – отдыхайте... В конце концов, это даже неприлично – б-быть такими любопытными.

Юнона между тем поднялась на все четыре лапы, не спуская взгляда с Макара. Он тоже пристально смотрел ей в глаза, чтобы избежать нападения – при зрительном контакте с жертвой пропадал эффект неожиданности, а тигры привыкли атаковать внезапно. Зрачки у Юноны были круглые, в отличие домашних кошек с их инопланетными вертикальными зрачками, и это почему-то немного успокоило Макара. Самое страшное позади, в клетку он вошёл, но оставалось выполнить наиболее трудную часть миссии – подойти ещё ближе и сфотографироваться. Можно было, конечно, просто сделать селфи на фоне Юноны, не слишком приближаясь к ней, но он по-прежнему помнил: поворачиваться спиной нельзя. Ни в коем случае! Значит, надо оказаться совсем рядом с тигрицей.

Он старался не думать о десятисантиметровых клыках Юноны и о том, что она запросто может прокусить человеческую кость. Впрочем, может, и кусать не потребуется – один удар мощной лапищи способен сломать ему позвоночник. Значит, важно было ни в коем случае не провоцировать тигрицу на агрессию.

Он продвигался всё ближе и ближе к Юноне, отчего та начинала всё больше беспокоиться.

– Слушай, мне от т-тебя ничего не надо, – бубнил он себе под нос что попало. – П-просто сделаю одну фоточку... и всё...

Наконец, очутившись достаточно близко для того, чтобы в кадр попали они оба, Макар прислонился спиной к прутьям клетки и вытянул руку с телефоном. И пусть морда тигрицы влезла не полностью, да и у него самого морда перекошенная, тот ещё красавец... плевать.

Щёлк, щёлк, щёлк!..

У Юноны задёргались усы при этих негромких звуках. Макар моментально отснял несколько кадров и машинально сунул телефон в карман. Уф... можно уходить. А это тоже было тем ещё квестом!

В этот миг дверь зверинца распахнулась и в проёме возник дрессировщик – Сергей Астахов. Мгновенно оценив обстановку, он быстрым, но чётким и спокойным шагом подошёл к клетке с Юноной.

– Макар, – произнёс он ровным бесстрастным голосом. – Иди к выходу, только не оборачивайся. Понял? Не поворачивайся к Юноне спиной.

– П-понял... – ответил Макар.

– Юнона, девочка, – ласково заворковал дрессировщик. – Соскучилась, красавица моя? Ну, иди ко мне, – и протянул руку прямо сквозь прутья клетки.

Некоторое время взвинченная Юнона колебалась, словно раздумывала – стоит ли выпускать из виду этого наглого чужака, который забрался в её убежище. А затем всё-таки подошла к краю клетки и позволила Астахову ласково потрепать себя по морде.

Свободной рукой дрессировщик приоткрыл дверцу и выговорил, не поворачиваясь в сторону Макара:

– На выход. Живо, но не бегом.

Тот не заставил себя долго упрасивать. Когда он вышел из клетки и закрыл за собой дверцу, колени у него слегка подрагивали.

– Подожди снаружи, – коротко распорядился Астахов, продолжая тетешкаться с тигрицей, которая блаженствовала, прикрыв глаза и довольно урча, пока он чесал её и гладил.

Остальные его питомцы тоже требовали ласки, сгрудившись у краёв своих клеток. Честное слово, Макару показалось, что он услышал что-то вроде умоляющего мяуканья. Впрочем, правдой это было или слуховыми галлюцинациями, раздумывать было некогда. Скорее валить отсюда и радоваться, что легко отделался!

Макар вышел за дверь и остановился, привалившись спиной к стене и переводя дух. Твою ж мать... неужели он действительно это сделал?! Не веря, он включил телефон и проверил получившиеся фото – всё как надо, не подкопаешься... Он торопливо засунул мобильник обратно в карман и приготовился ждать Астахова. Макар прекрасно понимал, что за такую вольность по головке его никто не погладит, и был готов смиренно понести наказание.

Однако реальность превзошла его ожидания. Едва дрессировщик вышел из зверинца, он быстро направился к Макару и с размаху врезал ему кулаком по физиономии.

14

Он пошатнулся, но устоял. Правда, голова от удара резко дёрнулась – на мгновение показалось, что все мозги перемешались, а затем в скуле и щеке запульсировала острая боль. Но Макар всё-таки не закрыл лицо руками, не попытался отвернуться – а поднял глаза и посмотрел на Астахова. Дрессировщик, со злости уже замахнувшийся было для следующего удара, наткнулся на этот прямой взгляд и только бессильно уронил руку, выплюнув свистящим шёпотом:

– С-с-скотина...

– Простите, – сказал Макар.

– Иди ты на хер!.. – в сердцах отмахнулся Астахов. – Ты представляешь, гадёныш, что было бы, если бы о твоём идиотском поступке узнало начальство?! Да нас бы обоих с тобой вышвырнули отсюда пинком под жопу! Ты хоть понимаешь, что всех чуть было не подставил?! И себя, и меня, и свою мать, и... этих несчастных животных, – нервно добавил он.

– Простите, – затверженно повторил Макар, с трудом преодолевая желание поморщиться от боли, – этого б-больше не повторится, обещаю.

– Обещает он!.. Да если даже повторится, я с тобой в следующий раз церемониться не стану – лично и с большим удовольствием скормлю своим зверям, так и знай, – пригрозил дрессировщик, а затем с беспокойством присмотрелся к уже начинающему заплывать глазу Макара.

– Что, сильно я тебя приложил, малой? Ну уж пардон, не сдержался... я когда тебя в клетке увидел – чуть в штаны не наделал, ей-богу...

– Т-терпимо, – дипломатично отозвался Макар. – Я заслужил.

– Заслужил, кто ж спорит, – усмехнулся Астахов. – Чего ты в клетку-то попёрся? На спор, что ли?

Макар осторожно покачал головой.

– Нет, не на спор.

– Ну, тогда, значит, из-за девчонки, – резюмировал Астахов и, заметив, как покраснел Макар, торжествующе воскликнул:

– О! Ну точно же – из-за девчонки. Так я и подумал. Все беды от баб! – патетически заключил он.

– Она не б-баба, – возразил Макар, на что дрессировщик насмешливо закивал:

– Ну понятно, понятно... Она «не такая, как все», прекрасная дама, а ты, стало быть, отважный рыцарь. Ладно, – он положил руку Макару на плечо, – пойдём ко мне в гримёрку, поищем, чего бы холодного тебе к глазу приложить. Может, ещё и не будет фингала...

Синяк всё-таки появился. Кроме того, у Макара безостановочно и противно ныла скула, а полужакрытый глаз слезился. Внимательно изучив в зеркале свою перекошенную физиономию, Макар только покачал головой: ничего не скажешь, красавец... Ну ладно, матери можно будет наврать, что он просто неудачно упал во время тренировки – в конце концов, обычное дело в цирке. А вот как показаться на глаза Динке таким прекрасным принцем? Впрочем, это была уже не его забота. Ну, брякнется она в обморок от его фингала – ради бога. Главное – он выполнил то, что она от него требовала. Теперь очередь была за ней...

До школы Макар не шёл, а практически бежал. Уроки должны были закончиться только через час, но он всё равно боялся, что опоздает. Не домой же потом к ней тащиться... Хотя ему так не терпелось увидеть Динку, что он, наверное, и домой к ней помчался бы – благо, адрес запомнил ещё в тот день, когда провожал Соню.

В класс он не пошёл – остался торчать на школьном крыльце, ожидая звонка с последнего урока.

– Ого, Мак, – обалдел от его вида кто-то из одноклассников, очутившись на свободе. – Ты откуда такой разукрашенный?

– Лошадь лягнула, – дежурно отшутился он, буравя взглядом то и дело открывающиеся и закрывающиеся двери. – Чудом глаз не вышибла и нос не сломала...

– Фигасе, весело там у вас... – озадаченно присвистнул собеседник.

Динка появилась на крыльце одной из последних. Разумеется, не одна, а вместе с Соней. Макар с досадой поморщился: это «мы с Тамарой ходим парой» уже стало его не на шутку напрягать. Тем более, насколько он успел понять, сёстры вовсе не были так уж близки друг с другом. Просто покорно выполняли возложенные на них обязанности: Соня следила за сестрой и контролировала её, Динка же послушно *позволяла* себя контролировать.

Он неспешно двинулся следом за ними, оставаясь незамеченным, но при этом не выпуская их из вида. Нужно было очутиться за школьными воротами, подалее от глаз ненужных свидетелей...

Девчонки свернули на узкую аллею, засаженную липами и клёнами. Правда, сейчас ветви деревьев были голыми и оттого выглядели уныло и безрадостно, но, наверное, весной и летом здесь было здорово. Макар представил на мгновение, как они гуляют с Динкой по этой самой аллее, взявшись за руки... и поспешно её окликнул.

Сёстры предсказуемо пришли в шок от его вида.

– Что с тобой, Макар? – ахнула Соня. – Ты подрался?

Динка же молча смотрела на него, но в её взгляде тоже читалось явственное недоумение.

– Сонь, – проигнорировав её вопрос, сказал Макар, – т-ты не могла бы оставить нас с Динкой ненадолго? Поговорить надо.

Соня насупилась, а Динка воинственно вскинула подбородок:

– О чём нам с тобой разговаривать? Я, кажется, всё уже сказала. Ты по-русски не понимаешь?

– Соня, п-пожалуйста, – Макар устремил умоляющий взгляд на Динкину сестру.

Та с очень большой неохотой, но всё-таки подчинилась.

– Дин, я вон там пока присяду... – кивнула она в сторону одной из скамеек чуть поодаль и многозначительно добавила:

– Ты зови, если что.

Наконец они остались наедине. Макар подошёл к Динке совсем близко и снова почувствовал, как совершенно теряет себя в её присутствии. Его вело, словно от алкоголя.

– Ну, чего тебе? – спросила она не очень-то вежливо.

– Вообще-то я пришёл забрать свой д-должок, – сообщил он.

– Какой ещё должок? – рассердилась она. – Ты можешь сказать прямо, а не мямлить?!

Вместо ответа он полез в карман за мобильником, нашёл в галерее нужное фото и протянул телефон Динке.

Она взяла его в руки с опаской, словно мину замедленного действия, и недоверчиво уставилась в экран. Макар с удовольствием наблюдал, как меняется выражение Динкиного лица: брови ползут вверх, а глаза всё больше и больше округляются. Щёки её моментально залила меловая бледность.

– Что это? – севшим голосом выдавила она из себя. – Это же... фотошоп?

Макар покачал головой.

– Нет, не фотошоп.

Динка подняла глаза от телефона и уставилась на Макара.

– Ты... идиот? – выдохнула она наконец; голос у неё дрожал как овечий хвост.

Он пожал плечами, чрезвычайно довольный произведённым эффектом.

– Ты п-попросила – я сделал.

Она покачала головой, не отрывая взгляда от Макара, и повторила уже не вопросительно, а убеждённо:

– Ты идиот!

– А ты п-проиграла, – невозмутимо парировал он. – Теперь я имею право п-потребовать с тебя исполнения любого моего желания.

– Да ты... псих ненормальный... – выдохнула она беспомощно и жалобно, прижав ладони к щекам.

А у него больше не было сил терпеть. Он сделал шаг вперёд, обхватил Динку за плечи и впился в её губы своими. Динка слабо пискнула, но и не подумала сопротивляться. Более того – она сама судорожно вцепилась в рукава его куртки, словно боясь, что сейчас упадёт.

Впервые почувствовав эти желанные губы на вкус, Макар поначалу чуть не задохнулся. Ему казалось, что он сейчас просто умрёт от разрыва сердца – такого с ним никогда ещё не было. Пульс зашкаливал, его буквально трясло, а он всё пил и пил эти сочные мягкие губы и не мог остановиться. А Динка... ему не могло показаться – она ему отвечала! Её губы вполне осознанно и требовательно искали ответной ласки. Чёрт, ещё немного – и он кончил бы от одного лишь поцелуя, но в этот момент Динка сделала какое-то неосторожное движение и задела его больную скулу.

Макар невольно дёрнулся и зашипел. Они оторвались друг от друга, тяжело дыша. Глаза у обоих были совершенно пьяные.

– И какое же у тебя будет желание? – спросила она изменившимся голосом.

– Я его т-только что исполнил.

В ответ на это Динка покачала головой.

– Нет... – прошептала она. – Это было *моё* желание... – и, поднявшись на цыпочки, снова прижалась своими губами к его.

15

Он не помнил, не отдавал себе отчёта, сколько они вот так простояли, прижавшись друг к другу. Эти ощущения были словно вне времени и пространства. Макар пропускал сквозь пальцы пряди её волос – так, как мечтал с самой первой встречи, вдыхал Динкин запах, чувствовал жар её тела даже сквозь одежду, терял голову, сходил с ума... Они уже даже перестали целоваться, но так не хотелось размыкать объятия!

– Зачем ты зашёл в клетку... – тихо пробормотала Динка, уткнувшись лицом ему в грудь, а он тем временем с наслаждением нюхал её макушку, которая пахла одновременно ванилью, мятой, миндалём и карамелью – и ещё чем-то совершенно головокружительным, сладким, пьянящим...

Макар пожал плечами.

– Т-ты же сама сказала.

Динка чуть отстранилась и пытливо уставилась ему в глаза:

– А если бы я тебе сказала пойти и прыгнуть с крыши – ты бы пошёл?!

– Ну да, – просто ответил он.

Она недоверчиво покачала головой:

– Да ведь это же... бред какой-то. В этом нет никакого смысла. Макар! Ты меня разыгрываешь сейчас?

Ответить он не успел – их уединение нарушила Соня.

Приблизившись, она с неудовольствием окинула взглядом сладкую парочку и холодно сказала Динке:

– Папа звонил. Надо идти домой.

Динкины глаза как-то вмиг погасли, лицо сделалось отрешённым, почти чужим, и она осторожно попыталась высвободиться из объятий Макара.

– Мне пора, – медленно, с явным сожалением выговорила она.

– А может, п-погуляем ещё немного? – он никак не хотел её отпускать.

– Не могу, – она отвела взгляд. – Папа не разрешает. Он и так сердится на меня за вчерашнее... ну, за то, что прогуляла уроки. Сказал, что я теперь вообще не буду выходить из дома.

– Да что за д-домострой! – поразился Макар. – Тебе же не семь лет, а семнадцать!

– Видимо, именно поэтому, – невесело усмехнулась она.

– Как он вообще узнал, что ты п-прогуляла? – Макар расстроенно сложил руки на груди.

Динка стрельнула выразительным взглядом в сторону сестры.

– Просто кое-кто не умеет держать язык за зубами, – многозначительно произнесла она.

– Вот только не надо этих намёков! – моментально взвилась Соня. – Я же говорила тебе – случайно вышло... Я не хотела тебя сдавать. Сама не заметила, как проболталась! С любым может случиться, что ты сразу начинаешь-то?..

Ничего не ответив, Динка просто покачала головой и вновь перевела виноватый взгляд на Макара.

– Ну, короче... я вроде как под домашним арестом. Не могу выходить никуда, кроме школы. И то не в одиночку, а только с Соней.

Макар страдальчески вздохнул и закатил глаза: какое-то крепостное право!

– Ну, тогда... можно, я тебя хотя бы п-провожу? – попросил он.

Динка растеряннo и счастливо улыбнулась.

– Ну да, наверное... можно, – неуверенно произнесла она.

– Папа может из окна вас увидеть, – предупредила Соня Макара, скривившись так, словно у неё болел зуб.

– Боюсь, ему это не очень понравится, – поникнув, подтвердила и Динка.

– Ну и что? – пожал плечами Макар. – Я же п-просто провожу. Или любой парень в радиусе километра от тебя автоматически символизирует т-твоё грехопадение?

– Да нет, Макар, я серьёзно... – расстроенно сказала она, – тебе лучше и правда... не мелькать лишний раз возле нашего дома. Ты не знаешь папу, он... правда может очень сильно рассердиться.

– Хорошо, я не буду подходить близко к самому д-дому, – пообещал Макар со вздохом. – Но немножко-то пройтись вместе с т-тобой... можно? – он взял её за руку и переплёл их пальцы.

Соня изо всех сил постаралась сделать вид, что её ничуть не задело вот это его «с тобой», а не «с вами».

Динка вспыхнула от его прикосновения, опустила ресницы и робко сжала в ответ руку Макара.

– Можно... – ответила она и, подняв голову, встретилась глазами с Соней, после чего с вызовом твёрдо повторила, адресуя свой ответ больше сестре, чем Макару:

– Можно!

Соня, конечно, так и продолжала всю дорогу строить кислую мину, демонстрируя, как напрягает её навязчивый провожатый. Пару дней назад, помнится, она не имела ничего против общества Макара и даже предлагала ему зайти в гости на чай... Впрочем, может быть, он был несправедлив к ней – и отец там действительно был тираном и самодуром, просто в тот день его не оказалось дома. Макар не имел ни малейшего желания углубляться сейчас в эту тему – главным было то, что сейчас Динкины прохладные пальцы подрагивали в его ладони, и сама она то и дело искоса поглядывала на него, а он сам тоже исподтишка любовался её профилем и хотел, чтобы дорога до её дома никогда не заканчивалась. Всё получилось так стремительно, так... пронзительно-остро, что он сам ещё не до конца мог поверить в то, что они с Динкой наконец-то сблизились. Они целовались! При одном только воспоминании об этом Макар совершенно дурел и лишь крепче стискивал Динкину ладонь.

– А что, если я сам п-поговорю с твоим отцом? – предложил он вдруг.

Динка не на шутку напряглась.

– О чём? – нервно спросила она.

Соня тоже явно струхнула.

– Да просто... п-познакомимся, – неопределённо протянул Макар. – Чтобы он убедился, что у меня в отношении т-тебя нет каких-то... дурных намерений, – сумбурно пояснил он. – Мне, в общем-то, скрывать и стыдиться нечего. И ещё... со мной ты б-будешь в безопасности, я никому больше не п-позволю обидеть тебя, – закончил он неловко.

– Ты не понимаешь, – вздохнула Динка. – Папа беспокоится не о том, что кто-то может меня обидеть. Он просто... *блюдёт мою нравственность*, – брезгливо скривив губы, пояснила она. – Чтобы я больше не...

– Д-дурдом, – раздражённо выдохнул Макар.

Они остановились примерно в сотне метров от её дома. Динка тоскливо обернулась на родные окна, словно это были окна тюрьмы, и с сожалением взглянула на Макара.

– Ну всё, мне пора. Завтра увидимся.

Завтра! Это же с ума можно было сойти, сколько ещё ждать до этого проклятого «завтра»!

Макар тоже покосился на окна Динкиного дома.

– А где т-твоя комната? – спросил он вдруг, вспомнив, как шевельнулись занавески в тот день, когда он провожал Соню.

Динка подтвердила его догадки:

– Вон та, наверху, окнами в сад.

Он прищурился, оценивая расстояние от земли до второго этажа. Пожалуй, если зацепиться за карниз или ветку ближайшего дерева, можно было бы попробовать...

– Ну, мне пора? – вопросительно повторила Динка, словно подсознательно ожидая, что он сейчас сгребёт её в охапку и никуда не отпустит.

Он действительно обнял её и приблизил свои губы к её маленькому розовому уху.

– Т-ты во сколько обычно ложишься спать?

– А почему ты спра... – начала было она, но он прижал палец к её губам, призывая говорить тише.

– Может быть... я п-приду к тебе в гости, чтобы п-пожелать спокойной ночи, – шепнул он и, предупреждая её протесты, заверил:

– Не волнуйся! Меня никто не заметит. Обещаю!

На тренировке в тот день Макар действительно летал – в прямом смысле слова. Ему казалось, что за спиной у него и в самом деле выросли крылья; он чувствовал себя совершенно бесстрашным и свободным в воздухе, на большой высоте. Все трюки легко выполнялись им с первого раза, будто бы совсем без усилий – флажки и бланжи, скольжение, перевороты, обрывы...⁷

– Ты в хорошей форме, Макар, – одобрительно кивнула мать, которая традиционно присутствовала на тренировке сына, чтобы указать на недочёты, сделать замечания и дать ему ценный совет. – Не думаешь о сольном номере? По-моему, ты засиделся на вторых ролях, тебе пора возвращаться.

Макар и сам понимал, что пришло время громко заявить о себе в этом цирке – тем более, если они с матерью действительно планировали задержаться в Светлоградске надолго... Вот только будущий номер пока представлялся ему довольно смутно. Не хотелось выходить на манеж с чем-то старым, нужно было удивлять публику новизной!

– Д-думаю, конечно, – кивнул он, потирая ладони – кожа немного саднила, как всегда после работы на канате. – Пока не решил, на чём б-буду работать. Кордепарель или ремни... а может, п-полотна?

– Ты у меня уникам, – мать легонько коснулась губами его лба, – потому что одинаково круто работаешь на всех снарядах. Уверена, что бы ты в итоге ни выбрал, номер получится просто потрясающим.

– Спасибо, мам, – улыбнулся он.

У него и самого уже чесались руки поскорее начать обдумывать какие-нибудь необычные и сложные элементы будущего номера; Машков – директор цирка – изначально дал ему зелёный свет на самовыражение, сказав, что поддержит реквизитом и выделит место в программе. А ещё Макар обожал подбирать музыкальное сопровождение. В этот раз ему хотелось сделать номер под какую-нибудь романтическую и одновременно страстную песню... разумеется, которая ассоциировалась бы у него с Динкой. Хотя у него сейчас вообще практически всё с ней ассоциировалось, любая мелочь способна была вызвать воспоминания о ней.

– Макай, Макай, смотйи, как я могу! – закричала маленькая Яночка, вращаясь на трапеции на двухметровой высоте под наблюдением своих родителей-гимнастов – Елены и Сергея Алейниковых.

– Да ты к-крутышка, – усмехнулся он, подходя ближе и задирая голову. – Очень здорово у тебя выходит, п-правда.

Яна буквально раздулась от его похвалы и принялась крутиться так и эдак ещё активнее, чтобы заслужить больше одобрения.

– Воу-воу, полегче на п-поворотах, – предостерегающе сказал он девочке, но та совсем расхрабрилась.

– И вот так могу! И вот так! И вот так...

В какой-то момент рука её соскользнула, и малышка, не удержавшись, полетела вниз. Макар отреагировал мгновенно, он даже сам не успел подумать, что делает – это был какой-то животный рефлекс, полностью на инстинктах: кинувшись вперёд, он ловко поймал девочку и прижал к груди.

Всё случившееся заняло не больше секунды. Макар даже испугаться толком не успел – впрочем, как и сама Яночка. Откровенно говоря, падение с двухметровой высоты не было смертельно опасным, однако всё-таки могло окончиться сотрясением мозга или переломом.

– Господи, Яна! – ахнула её мать, миглом оказываясь рядом. – Ну как же так можно, а?! Тебя ведь просили быть осторожнее... – она перевела благодарный взгляд на Макара. – Спасибо тебе.

⁷ Флажки, бланжи, скольжение, перевороты, обрывы – элементы трюковой части воздушной гимнастики.

Сергей Алейников был по-мужски немногословен и просто пожал Макару руку.

– Ты как будто пийнц Эдвайд, а я – Зизель! – расцвела Яночка, с восторгом глядя на своего спасителя.

– Э-э... прости? – непонимающе уточнил Макар.

– Это Дисней, «Зачарованная», – с нервным смешком пояснила Елена. – Яночка обожает этот фильм. Там принцесса Жизель постоянно откуда-то падала, а принц её ловил.

– Да, – подтвердила Яна, – и Зизель всё вйемя говойила: «Обыцно меня подхвывают!»

– Это хорошо, – серьёзно кивнул Макар, – если всегда есть, кому тебя п-подхватить...

Внезапно взгляд его сделался задумчивым. Он словно провалился в какую-то яму, не замечая больше ничего и никого вокруг. Перед глазами вдруг ясно, как в видеоролике, возник костяк его будущего номера.

Это был дуэт, а не соло, и завершался номер свободным падением с огромной высоты... когда партнёр подхватывает партнёршу на руки уже внизу, практически у самого манежа. Чёрт, это было круто! Это было смело и... необычно. Макар даже потряс головой, чтобы убедиться, что идея – не мимолётная блажь и не выветрится тут же из его воображения. Но нет, картинка перед глазами становилась только отчётливее. Он почувствовал бодрящий холодок где-то в животе, который всегда символизировал радость и предвкушение интересной работы. Конечно, пока это был всего лишь «скелет», на который требовалось нарастить мясо, но многочисленные детали номера уже роем гудели у него в голове, и Макар решил немедленно записать и схематично набросать всё, о чём он сейчас думал.

Он поставил Яночку на манеж и пробормотал:

– Извини... мне сейчас нужно б-бежать. Позже увидимся, – и под удивлённые взгляды цирковых действительно бегом помчался прочь.

В гримёрке он дрожащими от возбуждения руками принялся зарисовывать и записывать план номера. Конечно, обрыв с высоты был кульминацией всего действия, но необходимо было чем-то наполнить середину – не менее эффектным. Серия трюков, основанная на доверии... абсолютном доверии партнёров друг к другу, как это было у отца с матерью. Вот только где ему взять такую партнёршу, с которой они могли бы взаимодействовать на этом самом полном доверии, которая смело бы доверила ему свою жизнь?

– Мак, – в гримёрку сунулся четырнадцатилетний акробат Данька, – там тебя на службе какая-то девушка спрашивает.

– Что? – он даже не сразу понял, что именно ему сейчас сказали, отрывая взгляд от своих торопливо набросанных схем.

– Пришли к тебе, говорю, – повторил Данька. – Точнее, пришла. Девчонка какая-то. Симпатичная! – добавил он и многозначительно улыбнулся.

Макара словно подбросило на месте. Девушка! Динка! Ну конечно, Динка – кто же ещё? Но как ей удалось вырваться из дома? Неужели отец раздобрился? Или она сбежала из дома тайком?

Эти вопросы перемешивались с бурным восторгом от перспективы вновь увидеть Динку и радостным возбуждением по поводу нового номера: всё это бурлило и шипело сейчас у него внутри, как ледяная газировка в жаркий летний день.

Толкнув дверь служебного входа, Макар пулей вылетел наружу... и чуть не споткнулся. Улыбка медленно сползла с его лица.

Перед ним стояла Соня.

– Мог бы и не так откровенно демонстрировать своё разочарование, – заметила она обиженно.

– Ты что здесь д-делаешь? – спросил Макар, оставив её реплику без ответа. – Где Динка? С ней всё в порядке?

– О, господи, – Соня закатила глаза. – Что с ней может случиться? Дома она.

– Угу. Точнее, п-под домашним арестом, – поправил он и не удержался от шпильки:

– Между п-прочим, по твоей милости...

Соня расстроено заморгала.

– И ты туда же, – выдохнула она, губы её задрожали. – Вот и Динка не верит мне, что это случайно получилось... Я ведь правда не хотела ничего отцу рассказывать! Нечаянно проговорила, так бывает, вообще-то...

Ему невольно стало её жаль.

– Ну ладно. Так п-почему ты здесь?

– Вообще-то к тебе пришла, – дёрнув плечиком, сообщила она.

Макар сделал глубокий вдох.

– Соня. Давай внесём ясность. Мы с т-твоей сестрой...

Она живо вскинула брови:

– Да-да, мне тоже очень интересно – что вы с моей сестрой?

Он смешался. В самом деле, что тут можно было ответить? «Любим друг друга»? «Встречаемся»? Ни то, ни другое пока не соответствовало действительности.

– Она мне нравится, – заявил он наконец.

– Тебе – да, – кивнула Соня, – а что насчёт самой Динки?

– Что т-ты хочешь сказать? – растерялся он.

– Уверен ли ты в том, что твоя симпатия взаимна?

Он пожал плечами. Станный какой-то получался разговор. Станный и глупый...

– Ну... по-моему, я ей т-тоже нравлюсь, – и, поскольку в ответ на это Соня лишь скептически фыркнула, сразу напрягся:

– А у тебя есть д-другие сведения?

– Расслабься, – хмыкнула она. – Ничего у меня нет. Просто не советую тебе слишком-то раскатывать губы на Динку... С ней всё не так просто и легко. Конечно, если хочешь себе лишнего головняка – пожалуйста, но, откровенно говоря, я не советовала бы тебе с ней связываться. Там столько тараканов в башке, что...

Он ошеломлённо покачал головой.

– Она же т-твоя сестра!

– Я как бы в курсе, – ухмыльнулась Соня. – Именно поэтому и предупреждаю тебя... по-дружески. Уж кто-то, а я прекрасно знаю, что из себя представляет моя дорогая сестрица и на что она способна.

И всё-таки ему не показалось, что Соня испытывает к Динке тщательно скрываемую неприязнь – он заметил это ещё тогда, в день их знакомства, когда впервые увидел девчонок возле кофейного автомата.

– За что ты т-так её не любишь? – спросил Макар.

– Я её не «не люблю», – протестующе мотнула головой Соня. – Мы с ней по-настоящему привязаны друг к другу. Просто я действительно очень хорошо её знаю, в конце концов, почти восемнадцать лет прожили бок о бок. Динка... она умеет производить впечатление на парней, да. Губки свои надует, глазюки голубые вытаращит и ресничками хлоп-хлоп – сама невинность... Дешёвые приёмчики, да только парни ведутся. Только что слюнями не капают. Вот и ты повёлся... «Уноси готовенького».

Слушать это было неприятно – так, что у Макара даже зубы скрипнули.

– А зачем ты это всё мне рассказываешь? Чтобы нас п-поссорить?

– Да нет... скорее, просто для того, чтобы ты не расслаблялся и был начеку. Предупредить хочу.

Радостный подъём, который испытывал Макара всего каких-то десять минут назад, испарился без следа. Настроение упало ниже плинтуса. Давненько ему не было так дерьмово!

– Ладно. Считай, что п-предупредила. Это всё? Я могу идти? – мрачно осведомился он.

– Ну... – Соня загадочно улыбнулась, закусив губу. – Вообще-то не всё...

Господи, он готов был её треснуть за то, что тянет время и не говорит прямо, что ей ещё надо.

– Ты обещал мне экскурсию по цирку, помнишь? – мило произнесла она.

Он вздохнул. И ведь правда – обещал ведь. Кто, блин, тянул его за язык?!

– Может, не сегодня? – нерешительно спросил Макара. – Сейчас на манеже т-тренировка, не всем нравится, когда их отвлекают...

– Я буду тише воды, ниже травы! – клятвенно заверила Соня, искренне тараща глаза.

Макар всё ещё мялся, тянул время, хотя формальных поводов для отказа у него не было. Да и с другой стороны... лучше разделаться с этим здесь и сейчас – и больше уже он ничего не будет ей должен.

– Хорошо, – вздохнул он. – Т-только, Сонь... Мне действительно нравится твоя сестра, п-поэтому ты не думай, что я...

– О господи! – Соня подняла взгляд к небу. – Что ты о себе возомнил – что я тебе на шею стану вешаться?! И почему все мужики такие самоуверенные...

Макар готов был провалиться сквозь землю от неловкости.

– Мне просто интересен цирк, – заявила Соня, – его закулисье. А не твои красивые глаза... хотя они у тебя и правда красивые, – насмешливо добавила она.

Каким же дебилом он себя в этот момент почувствовал! Ещё и эта дурацкая особенность – легко краснеть, будто девчонка...

– Извини, – буркнул он. – Я тебя, наверное, неправильно п-понял.

– Совсем неправильно, – кивнула она. – Ну так что насчёт экскурсии?

– Ладно, – вздохнул Макара. – П-пойдём.

В этот раз он не особо-то старался произвести впечатление – просто протащил Соню по самым интересным и занимательным местам цирка буквально галопом по Европам (избегая, правда, заходить в конюшню или в зверинец), а завершил экскурсию манежем. Впрочем, Соня и так была в восторге: поражённо охала, восхищённо ахала, только что в ладошки не хлопала и не подпрыгивала.

Цирковые косились на Макара насмешливо – очевидно, решили, что он тупо охмуряет девочек одну за другой: сначала притащил в цирк Динку, теперь вот Соню...

Мама при виде новой подружки сына сначала озабоченно нахмурилась, но Соня тут же умело усыпила её бдительность, воскликнув:

– О боже, вы та самая Зоя Вознесенская?! С ума сойти, глазам своим не верю! Я же ваша самая большая фанатка! – и тут же начала рассыпаться в комплиментах, припоминая самые знаменитые и яркие выступления воздушной гимнастки.

Мать предсказуемо поплыла от такой откровенной лести, и даже сфотографировалась с Соней по её просьбе на телефон.

– Я эту фотографию распечатаю и в рамочке на стену повешу! – ликовала Соня, и Макара чувствовал, что его сейчас стошнит от такого обилия патоки.

– Ладно, Сонь, – прервал он её неумеренные восторги, – пойдём, нам п-пора.

– Совершенно очаровательная девочка! – успела шепнуть ему мама перед уходом. – Такая милая... И такая симпатичная! Приводи её сюда почаще.

Угу, разбежался.

Тем же вечером он стоял неподалёку от Динкиного дома, прикидывая, как бы половчее перелезть через забор, чтобы остаться незамеченным – и с улицы, и (главное!) из самого дома.

Запрыгнуть с разбега на забор для него было плёвым делом, такую высоту он брал шутя, но вдруг Динкин отец как раз выглянет в окно и обнаружит, что кто-то проник на их частную территорию? И хотя уже стемнело, не хотелось глупо рисковать и подставляться, заодно подставляя и Динку.

В этот момент к дому подъехало и затормозило такси. Макар затаился.

Дверца со стороны пассажирского сиденья открылась, и из машины степенно выбралась дама. Лица её Макар разглядеть не мог, заметил только в свете фонарей длинные чёрные волосы, рассыпавшиеся по плечам, и куртку какого-то невероятного цвета «вырви глаз».

Захлопнув дверь, дама уверенно направилась к воротам Динкиного дома, затем смело, как будто бывала здесь до этого миллион раз, распахнула калитку и скрылась за забором. Поздновато для визитов, однако... Что ж, ему нельзя было терять ни секунды. Макар сообразил, что сейчас Динкин отец будет некоторое время занят загадочной гостьей, а значит, вряд ли станет пялиться в окно. Он метнулся к забору, подпрыгнул как кошка, подтянулся на руках и мигом перемахнул через него. Осторожно, стараясь не задеть что-нибудь в потёмках и не наделать шума, подошёл к дому и принялся карабкаться на дерево, которое росло аккуратно напротив Динкиного окна.

В её комнате горел свет, но из-за штор ничего невозможно было разглядеть. Держась одной рукой за толстую ветку, Макар дотянулся другой до заветного окна и тихонько постучал по стеклу костяшками пальцев: раз, два, три...

Никакой реакции не последовало. Тогда он повторил стук. Штора заколыхалась, чуть отодвинулась – и он с облегчением обнаружил по ту сторону стекла растерянное и немного испуганное Динкино лицо. Прищурившись, она всматривалась в темноту за окном, пытаясь понять, слышала ли она стук на самом деле или ей просто показалось.

Он снова легко стукнул один раз. Динка приблизила лицо почти вплотную к стеклу, перевела взгляд вниз... и испуганно вздрогнула, не поверив поначалу своим глазам. А уже через секунду она торопливо распахнула окно и, побледнев от ужаса, наблюдала, как Макар уцепился за подоконник и, подтягиваясь, вполз в комнату и спрыгнул на пол.

– П-привет, – улыбнувшись, поздоровался он. – Вот, как и обещал, пришёл пожелать тебе спокойной ночи.

Динка шумно сглотнула.

– Ты с ума сошёл? – выдохнула она наконец дрожащим голосом.

– П-повторяешься, – засмеялся он. – Кажется, ты уже г-говорила мне это сегодня днём...

Динка на миг прикрыла глаза и покачала головой. В руках у неё был вафельный стаканчик с мороженым, уже откусанный с краешка, и это показалось ему ужасно милым и трогательным.

– Макар, ты... реально безбашенный, – констатировала Динка; в голосе её всё ещё звенел не до конца выветрившийся испуг.

– А это п-плохо? – уточнил он невинным голосом, делая шаг по направлению к ней.

Динка как-то беспомощно улыбнулась:

– Честно? Пока сама не поняла...

– Угостишь? – кивнул он на её мороженое.

– Пожалуйста, – растерянно отозвалась она, протягивая ему стаканчик.

– Нет, – покачал головой Макар. – Вместе.

Она не сразу поняла, что он имеет в виду. Макар осторожно взял стаканчик и поднёс к её губам. Поколебавшись долю секунды, Динка всё-таки приоткрыла рот и лизнула белоснежный

сливочный холмик. В тот же миг Макар потянулся к мороженому с другой стороны и тоже лизнул его. Теперь у них был один и тот же вкус на губах, одно и то же дыхание на двоих...

Чёрт, это было самое волнующее и сексуальное, что только случалось с Макаром в жизни! Он никогда даже не думал, что совместное поедание мороженого может быть настолько... эротичным. Они молча облизывали и откусывали мороженое с двух сторон, стоя практически вплотную друг к другу, и не говорили больше ни слова. Чем меньше становилось мороженое, чем чаще мимолётно соприкасались их губы, и каждое такое прикосновение прошивало его насквозь, словно электрическим разрядом.

Наконец с мороженым было покончено. Они стояли, глядя друг на друга лихорадочно блестящими глазами, и едва справлялись со сбившимся дыханием. А уже через секунду он, не выдержав, сжал её в объятиях и уже по-настоящему нашёл своими губами Динкины губы...

Они у неё были холодными и сладко-сливочными. Самый лучший на свете вкус, от которого у Макара буквально срывало крышу... И всё-таки он вложил в этот поцелуй больше нежности, чем похоти. В нём не было ничего общего с их страстным слиянием на аллее, но волновал этот поцелуй не меньше, а может быть, даже больше...

В какой-то момент ему показалось, что у Динки подкашиваются ноги, и он с сожалением разорвал поцелуй.

– Ты вся д-рожишь, – заметил он.

– Ты тоже... – отозвалась она, почему-то шёпотом. – А ещё у тебя сердце стучит как бешеное... Даже через куртку ощущается.

Она осторожно положила ладонь ему на грудь, а он накрыл её руку своей. Динка продолжала смотреть на него странным взглядом, в котором была смесь восхищения и ужаса.

– А если папа узнает?! – спохватилась она наконец. – Он меня просто убьёт...

– Не волнуйся, я скоро уйду, – пообещал он. – К тому же, т-твой отец сейчас не один, у него тоже гости.

Красивые Динкины брови озадаченно приподнялись, а затем, расслабившись, она кивнула:

– А, ну да... наверное, это тётя Ира, да?

– П-понятия не имею, – пожал плечами Макар. – Она кто, ваша т-тётка?

– Да нет, – смутилась Динка. – Это просто я её так называю. Вообще-то это Ирина Морозова... писательница, местная знаменитость, – она улыбнулась.

– У них с твоим отцом роман?

– Ну... что-то типа того. Она неплохая, только немного... с придурью, – закончила Динка.

– К-как я? – лукаво уточнил Макар.

Динка захихикала.

– У тебя придурь немного другого рода...

Нет, это было невозможно! Не в силах терпеть, Макар снова припал к её губам с поцелуем. Она приглушённо застонала, с удовольствием отдаваясь этому поцелую – на этот раз куда смелее и откровеннее, чем пару минут назад. Её пальцы зарылись в его волосы, и он с ума сходил от этих прикосновений.

Но сейчас именно она отстранилась первой и обеспокоенно покосилась на дверь.

– И всё-таки, Макар... тебе лучше уйти сейчас. Не хочу, чтобы тебя застукали...

– Я б-буду приходить каждый день, – пообещал он. – Точнее, к-каждый вечер.

– Ненормальный, – улыбнулась она, но в этом слове больше не было осуждения.

И всё-таки он медлил с уходом – стоял и с интересом озирался вокруг, рассматривая Динкину комнату. Почему-то мысль о том, что это именно *её комната*, наполняла помещение

каким-то особым уютом. Хотя в обстановке не было ровным счётом ничего слишком оригинального, всё предсказуемо и даже местами банально, обычное девчоночье обиталище: занавески на окнах в весёленький цветочек, плюшевые игрушки на кровати, шкаф, письменный стол, компьютер, яркие постеры с изображениями звёзд над столом...

– Дима Б-билан? – Макар иронично изогнул бровь. – Серьёзно?

Динка смутилась.

– Ну да, а что? Мне нравятся его песни...

На стенах висели многочисленные рамочки с фотографиями – целая галерея. Макар с нескрываемым любопытством подошёл поближе, чтобы рассмотреть. Почти на всех снимках были сёстры – всегда вместе, всегда рядом. Вот они совсем крошки, в детском саду на новогоднем утреннике: Соня в наряде рыжей лисички, а Динка – Снегурочка. Вот они в школе на первой в жизни линейке – маленькие, смешные, с огромными белыми бантами в волосах и слишком громоздкими для их роста букетами, испуганно прижимающиеся к отцу...

Макар с любопытством рассматривал фото светловолосого не улыбающегося мужчины. Очевидно, Соня пошла в него: тот же миндалевидный разрез глаз, знакомый острый подбородок... А вот и фото матери – сделанное ещё до рождения девочек. Макар даже сглотнул – до того она была похожа на Динку... точнее, Динка не неё. Интересно, каково это – видеть в одной из своих дочерей точную копию той, которую любил и которой больше нет на этом свете?

– Строгий у т-тебя отец? – спросил он.

Динка подошла к двери и заперла её изнутри на задвижку. Затем приблизилась к Макару, остановилась рядом с ним, тоже рассматривая фотографии, и пожала плечами.

– Когда как. Но вообще он нас с Соней очень любит, – горячо добавила она. – Папа ведь совсем один нас после маминой смерти поднимал, заботился... даже жениться второй раз не стал, хотя мог бы. Так-то желающие находились, несмотря на двоих детей.

– А эта... т-тётя Ира? – напомнил он.

– Да там всё несерьёзно, – отмахнулась Динка. – Она сама к нему прилипла как банный лист. Может, она и хочет за него замуж, но только папа много раз говорил нам с Соней, что никогда не приведёт в дом мачеху и чтобы мы не переживали на этот счёт. Говорю же, он очень нас любит! – убеждённо повторила она.

– Именно п-поэтому держит тебя дома взаперти... как п-пленницу, – невозмутимо добавил Макар.

– Он же не со зла, как ты не понимаешь, – вздохнула Динка. – Ему кажется, что он меня таким образом защищает.

– Именно что «к-кажется», – кивнул он. – Дин, ну это же г-глупо. Ты не маленькая девочка.

– Мне осталось дотерпеть всего лишь до окончания школы, Макар, – тихо и серьёзно сказала она. – А потом я уеду отсюда.

В сердце кольнуло.

– Уедешь из Светлоградска? – переспросил он, хотя прекрасно расслышал с первого раза.

– Ну да. Куда-нибудь... как можно дальше. В Москву... или в Питер...

– В П-питере живёт твой бывший? – спросил он вдруг; удушающая ревность поднималась откуда-то из самых потаённых глубин его души и слепила до кровавой пелены перед глазами.

Она удивлённо взглянула на него.

– Да это тут совсем ни при чём! Он меня совершенно не волнует.

Макар сделал глубокий вдох. Спокойствие, только спокойствие... Не надо вспоминать её бывшего. Не надо думать о том, что между ними было. Не надо...

– А кто волнует? – хрипло спросил он, делая шаг ей навстречу.

Сейчас она стояла перед ним в одной лишь маечке на бретелях и коротких шортах, и он буквально пожирал её глазами. Динка, застеснявшись его откровенного взгляда, обхватила себя за плечи, словно пытаясь закрыться.

– Макар, послушай... – начала она нерешительно. – Ты мне очень-очень нравишься. Просто ужас как, – робко добавила она. – Но ты слишком... форсируешь. Мне страшно от твоей скорости. Ты вообще меня иногда пугаешь.

– Ты меня б-боишься? – уточнил он.

Динка закусила губу и задумчиво покачала головой.

– Нет, не тебя... скорее – *за тебя*. Ты какой-то... реально без тормозов.

Макар шумно выдохнул и взлохматил себе волосы.

– Да нет, я вообще-то нормальный, – сказал он уже более-менее спокойным тоном. – Просто... ты такая, что я не могу удержаться.

– Какая? – улыбнулась она.

Охрененная. Самая лучшая. Крышесносная. Бомбическая. Сексуальная.

Но вслух он только деликатно сказал:

– К-красивая.

Динка улыбнулась так, словно слышала это впервые – с радостным недоверчивым удивлением. По идее, с такой внешностью её должны просто забрасывать комплиментами с утра до ночи... Хотя какие там комплименты, усмехнулся Макар про себя, вспомнив тупые подколки одноклассников. Максимум, на что их хватало – так это обозвать Динку толстожопой или, подобно Тяпе, потребовать минета, намекая на её пухлые губы. Дебилы, что с них взять! Просто дебилы. Уровень первоклассников: если тебе нравится девочка, значит, для привлечения внимания надо как можно больше дёрнуть её за косичку, обозвать или поставить подножку...

– Ты очень красивая, – повторил он твёрдо. – Самая красивая из всех, к-кого я знаю.

В куртке становилось жарко. Так хотелось скинуть её к чертям собачьим и никуда не уходить, остаться в этой уютной маленькой комнатке до утра! Искушение было слишком велико, но Макар с усилием преодолел его. Нет, нельзя было так рисковать... Он и впрямь становился каким-то безумцем в Динкином присутствии, в чём-то она была права.

Вдруг Динка изменилась в лице и схватила его за руку.

– Что... – начал было Макар, но она приложила палец к губам, давая ему знак замолчать, и прислушалась.

За дверью отчётливо слышались чьи-то шаги, а ещё через секунду начала поворачиваться ручка двери.

Динка побледнела.

Ручка покрутилась туда-сюда, а затем из-за двери раздалось приглушённое:

– Дин?... Ты чего там закрылась?

Это был голос Сони.

Глаза Динки испуганно заматались, словно она прикидывала, куда можно прямо сейчас спрятать Макара. Под кровать? В шкаф? Он жестом призвал её успокоиться и бесшумно подскочил к окну, а затем сделал Динке знак, чтобы она подала голос.

– Я... сейчас, Сонь, – нервно сглотнув, отозвалась она, наблюдая, как Макар распахивает окно и вскакивает на подоконник. – Минуту!

– Что ты там делаешь? – удивилась Соня.

– Я... переодеваюсь, – лягнула Динка наобум.

Макар быстро положил ладонь на Динкин затылок и притянул её к себе; в последний раз коротко и быстро поцеловал в губы – адреналин усиливал остроту ощущений – и, примерившись, прыгнул в темноте на дерево.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.